

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Лечь на амбразуру

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Лечь на амбразуру / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Вся мощь правоохранительных органов и силовых структур обрушивается на голову строптивого директора крупнейшего сибирского предприятия, не пожелавшего идти на поводу местных чиновников. Только вмешательство адвоката Гордеева спасает его от произвола и страшных обвинений в заказных убийствах.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	26
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фридрих Незнанский

Лечь на амбразуру

Глава первая

КИЛЛЕР

Он предпочитал работать в домах, оборудованных дверными замками повышенной секретности. Уже одним только своим присутствием это техническое ухищрение делало жильцов, спрятавшихся за бронированными дверями, практически беспечными. А часто меняющиеся коды и прочая электроника – они лишь на неопытного обывателя производили впечатление, для специалиста это были семечки.

Дом, в котором он сейчас находился, был именно таким. Жилье улучшенной планировки. Просторные холлы между квартирами отделены от лифтов стальными дверями с глазками на них. Другие двери, попроще – фанера с армированным стеклом, – перекрывали площадки между лифтами и узкой мрачноватой лестницей. По таким лестницам обычно ходят разве что жильцы трех-четырех нижних этажей. Освещены они едва-едва, окошки узкие. А по вечерам, если здесь не тусуются подростки, расписывающие стены, вообще ходить неприятно. Однако все это ничуть не затрудняло условий работы.

Имелись, конечно, и минусы. Эти улучшенные дома, как правило, предусматривают присутствие сторожих в подъездах. Для этой цели отведены стеклянные загончики, обычно закрытые занавесками – хоть какой-то уют. Но загончики сами консьержки, как они себя именуют в элитных домах, запирают на замки и щеколды – для собственной же безопасности. А если ты знаешь коды и ведешь себя независимо, такая бабка даже и не обратит на тебя никакого внимания. Иногда, правда, устраивают допросы: кто таков, да к кому и так далее. Вероятность допросов увеличивается, если в доме проживает солидная публика: бизнесмены, крупные чиновники, бывшие партийные бонзы областного значения и им подобные.

Но чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, чтобы избегать дурацких расспросов, он знал несколько простых способов, которыми постоянно, и не без успеха, пользовался. Главное здесь – это не упустить собственной инициативы. Работать на опережение.

Все вышеперечисленные условия имели самое прямое отношение и к дому, расположенному рядом с центром почти миллионного города Белоярска, в нескольких кварталах от величественного здания бывшего обкома партии, а ныне краевой администрации, от главной городской площади с неизменными гранитными трибунами и стремительно шагающим с высокого пьедестала в никуда бронзовым Ильичом, чей решительный жест руки, в соответствии с новым временем, указывал на противоположную сторону обширного асфальтированного пространства, где возвышался гостиничный комплекс а-ля «Хилтон», так сказать, восточно-сибирского разлива.

Киллер был впервые в этом городе.

Он считал себя профессионалом достаточно высокого уровня и старался выполнять свое дело в одиночку. Те, от кого он получал очередное задание, аванс и окончательный расчет, не отягощали его ненужными советами. Фотография клиента, деньги, необходимое оружие, а дальше исключительно дело исполнителя. Дело техники...

На сей раз нужды в фотографии не было. Портреты клиента размером метр на два, а где и побольше, были выставлены по всему городу – на рекламных щитах и в витринах магазинов, а листовки с открытым, улыбчивым лицом простого сибирского мужика, уже правившего в крае в смутные времена первых лет демократизации, но отодвинутого нынешним губернатором, –

эти яркие листовки полоскались на резком зимнем ветру и глядели на прохожих со всех столбов и подъездов.

Киллер не интересовался тонкостями политической борьбы, деталями предвыборной губернаторской гонки, до конца которой оставалось еще побольше двух месяцев. И не собиравшись он размышлять над тем, почему именно этот кандидат в губернаторы, Валерий Смирнов, утверждавший с плакатов и листовок: «Голосуй за своего! Не ошибешься!» – стал его, киллера, клиентом. А не, скажем, ныне действующий губернатор Андрей Гусаковский, пожелавший продлить срок своего правления в крае, или вон тот, Алексей Минаев, чье строгое лицо человека явно ученого, умного, в очках, указывало на серьезность его намерений. Их лица тоже отовсюду следили за горожанами, проходящими и проезжающими мимо, напоминая, что подступает ответственная пора – надо думать! Будто все остальное время этим заниматься нет ни малейшей необходимости...

Но как бы там ни было, а судьба первого из претендентов была, по сути, предрешена. Иначе зачем бы сейчас, в этот самый момент, стоял киллер перед дверьми лифта на седьмом этаже большого элитного дома и напряженно вслушивался, что делается этажом выше.

В дом он вошел без проблем. Два дня, которые он отвел себе на изучение подходов к объекту, дали исчерпывающую информацию.

Как еще в недавнем прошлом государственный чиновник высокого ранга, этот Смирнов был человеком внутренне дисциплинированным. Время его казалось размеченным по минутам – раз и навсегда. Что значительно облегчало задачу. Именно поэтому из всех возможных вариантов киллер легко выбрал наиболее для себя безопасный.

Ежедневно в девять вечера Смирнов, проживавший в обычном, пусть и повышенной комфортности, доме, а не в скромном личном особняке, которым отдают предпочтение руководители новейших времен, выводил на прогулку своего пса – шоколадно-рыжего ирландского сеттера по кличке Лан – так, во всяком случае, слышал киллер собственными ушами. Сеттеры – собаки охотничьи и никакой опасности для чужого человека не представляют. И это – хорошо.

Система подачи лифтов на этажи была известна киллеру, значит, и остановить каждый из них в нужный момент тоже будет не трудно.

И вот без десяти минут девять – на улице было уже совсем темно, мороз к ночи усилился, а резкие порывы ветра вздымали со снежных сугробов у подъездов длинные шлейфы острой серебряной пыли – мимо углубленной в чтение газеты консьержки решительным шагом прошел высокий мужчина в плотной черной куртке с откинутым на спину капюшоном и в черной же шерстяной шапочке, надвинутой на брови.

На секунду задержавшись у давно не мытого окна в будке сторожихи, мужчина глухо спросил у бабки:

– Как у тебя? – и, не дожидаясь ответа, закончил: – Ладно, бди на посту! Ну холодрыга! – Он зябко передернул плечами, а на вопросительный взгляд бабки профессиональным движением достал из внутреннего кармана красную милицейскую книжицу, ловко развернул и сунул к самому стеклу, чтобы сторожиха с ее бдительным оком успела увидеть трехцветную внутренность удостоверения и фотографию в военной форме. Большого для нее и не требовалось.

Сочтя знакомство достаточным, мужчина кивнул ей покровительственно и направился к лифту.

Но поднялся он не до восьмого этажа, где проживал клиент, а остановился на седьмом. Проверил, открыта ли дверь на лестницу, вышел на площадку, осмотрелся, прислушался – было темно и тихо. Взглянул на часы – самое время. Вызванная им кабина лифта оказалась большой, грузовой. Когда дверь открылась, киллер ловко заклинил ее и снова затаился, прислушиваясь.

Наконец над его головой хлопнула, закрываясь, металлическая дверь, тут же загудел мотор другой кабины и явственно донеслись нетерпеливые повизгивания собаки.

Кабина пришла на восьмой этаж. Открылись двери, собака залаяла, и в тот же момент, когда стали закрываться двери, киллер нажал на кнопку вызова и спокойно достал из внутреннего кармана пистолет Макарова с навинченным на ствол длинным глушителем.

Дверь лифта открылась теперь перед ним. Киллер увидел знакомый по многочисленным плакатам повернутый к нему полупрофиль типичного сибирского мужика и поднял ствол.

Глухой хлопок... Крупное тело хозяина рыжего Лана вздрогнуло и стало медленно опускаться – сползать по стенке на пол тесной кабины.

Киллер сунул руку внутрь кабины, бросил пистолет на скорченное тело и пальцем в перчатке нажал на кнопку верхнего, семнадцатого этажа. Дверь стала закрываться. Заработал мотор. Кабина ушла вверх.

Последнее, что успел увидеть киллер, были блестящие и доверчивые глаза рыжего сеттера, естественно не понимавшего, что происходит...

Он сошел по лестнице, проходя мимо консьержки, кивнул ей и легонько махнул рукой в перчатке. Хлопнула одна дверь подъезда, вторая. На ступеньках его словно подхватил снежный вихрь, закрутил, завьюжил, а когда он, морщась, машинально повернулся к двери, чтобы защититься от порыва ветра, в глаза ему в упор взглянул Валерий Смирнов, теперь уже точно бывший соперник нынешнего губернатора славного сибирского города Белоярска. И взгляд этот почему-то не вызвал никаких эмоций у киллера, только что успешно выполнившего свой заказ: в качестве «работы» он не сомневался. А вот глаза собаки почему-то тревожили.

Нет, он конечно понимал, что никакой собака не свидетель, но... Что-то темное, мистическое – настораживало. Подумал даже было, что, возможно, следовало бы уж заодно и Лана этого отправить – вместе с хозяином его. Но эта промелькнувшая мысль не задержалась. Вероятно, потому, что если хозяин был объектом его работы, то собака никакого отношения к делу, а тем более политике, не имела. И значит, грех лишать жизни безвинное создание.

Быстро пройдя через двор, он выбрался в арку подворотни, где было совершенно темно, зато впереди, на широком центральном проспекте, ползли автомобили с прыгающими огнями фар, светили затянутые снежной сетью фонари, переливались разноцветными вспышками яркие витрины.

Несколько умелых и быстрых движений – и вот уже черная куртка киллера, вывернутая наизнанку, превратилась в отличный и модный белый пуховик. Вместо киллерской шапочки на голове появился белый же меховой картуз с опущенными ушами. А вот с теплыми галошами-бреднями, приспособленными к подобной погоде, хоть было и жалко, пришлось расстаться. Одна, снятая с ноги, полетела аж в самую середину закутанного снегом палисадника, другая – в противоположную сторону и тоже утонула в глубоком снегу.

Еще минута – и по проспекту торопливо двигался в сторону ярко освещенной центральной гостиницы высокий и вполне элегантный мужчина, похожий на многих других, спешивших укрыться от ледяной сибирской вьюги...

– Ну, мужики, вы даете! – весело просипел он швейцару местного «Хилтона», предупредительно отворившему вторые, не автоматические двери в шикарный холл отеля. – На таком ветру запросто дуба дашь!

Швейцар уже заметил этого общительного и симпатичного молодого человека. Тот был из Москвы, видать, по делам бизнеса, поскольку значительных вещей с собой не имел. Часто уходил и снова появлялся в отеле, всякий раз не оставляя такого не обязательного для знакомства человека, как обычный швейцар при дверях, без своего внимания. И кивал, и подмигивал, и шутки шутил вроде как сейчас.

– А вы как-то не шибко по-нашему! – с укором показал швейцар на легкие с виду ботинки жильца отеля. – Тут у нас в такой обуви долго не протянешь!

– Ну а я про что? – словно обрадовался постоялец. – А вы видели, так хоть бы сказали! – Нет, он не унывал, этот весельчак. – Вот, пяти минут не прошло, а уж решил, что околею! До угла не добрался! Надо же! Не-е, пойду утеплюсь! – И он, подмигнув швейцару, вытащил из кармана тяжелый гостиничный ключ с допотопной грушей – специально, чтоб постояльцы не таскали ключи с собой, а сдавали в рецепшн. – Во! И про гулю эту совсем забыл! Это у вас, наверно, нарочно такая здоровенная – чтоб от волков отбиваться, да? – И, наклонившись к швейцару, добавил: – Ну когда в чистом поле срать сядешь, а? Слыхал анекдот?

Кто ж в Сибири не знает старого анекдота про национальный сортир? Два кола – на один кафтан вешаешь, а другим, подлиннее, от волков отбиваешься. Швейцар учтиво захихикал: не, веселый мужик, с ним не соскучишься...

Минут через пять «утепленный», то есть сменивший ботинки на сапоги с меховой подкладкой, постоялец сошел к дверям. Покровительственно махнул ладонью швейцару.

– Во! – показал на свою обувь. – Совсем другой коленкор! Ну, пойду, отец, поищу приключений на свою буйну голову.

– Так этого добра, – словно раскрыл большой секрет швейцар, – не наруже бы искать, а вон там, внутри! – Он кивнул в сторону дверей, ведущих в ресторан.

– Не, спасибо, – засмеялся постоялец, – за целый день насиделся. Накурился – во! – Он чиркнул себя по горлу. – Хочу наконец свежим воздухом надышаться. Ну, пока! – И ушел.

Увлекаясь по молодости всякими приключениями и детективами, он не забывал одно из верных замечаний писателя Юлиана Семенова про то, что в памяти человека, с которым ты имеешь мимолетную встречу, всегда остаются твоё последнее действие или фраза. И это – самое лучшее алиби для того, кто захочет скрыть то, чем он занимался прежде. Вот и швейцар этот, если вдруг возникнет такая нужда, легко подтвердит, что симпатичный и общительный мужик из такого-то номера – ему подскажут, или он сам проверит – весь день сидел в номере, а после выглянул на улицу, да назад вернулся: испугал его сибирский-то морозец, такой обычный для своих.

Что и требовалось доказать...

Собственно, ради одной этой фразы и разыгрывал только что короткий спектакль гость белоярского «Хилтона». И вовсе ему не было холодно на продуваемых всеми возможными ветрами площади великого бывшего Учителя народных масс и проспекта одного из основателей города Белоярска. И не приключений на свою лихую забубенную головушку искал он, а шел на свидание с очень симпатичной ему женщиной, с которой намеревался хорошенько расслабиться перед возвращением в Москву.

Джип ожидал его в том месте, где проспект вливался в площадь, иными словами, в той стороне, откуда он пришел, после того как выполнил свою работу, свой заказ.

Киллер шагал неторопливо, аккуратно переставляя ноги по заснеженному асфальту: было скользко. Подняв голову, увидел, как фары джипа дважды мигнули ему. Помахал рукой издали. А когда подошел к машине вплотную и уже взялся за ручку дверцы справа, мимо, сверкая красно-синими огнями и яростно завывая, промчались две милицейские машины, за ними – микроавтобус с мигалкой на крыше и белый «рафик» «скорой помощи».

Он невольно опустил руку и посмотрел вслед этой громкой и тревожной кавалькаде. Но дверца открылась сама, и из-за руля выглянула весьма привлекательная черноволосая молодая женщина, плечи которой окутывал мерцающий белый мех. Она внимательно и даже с почти неуловимой иронической улыбкой внимательно посмотрела на мужчину, после чего низким грудным голосом спросила:

– Есть проблемы?

Он, задумчиво глядя вслед умчавшимся автомобилям, лишь отрицательно покачал головой.

– Так тогда что ж ты медлишь, Максим?

– А? – Он перевел взгляд на нее. – Нет, ничего, просто, видимо, накопилась некоторая усталость за прошедшие дни. А ты не беспокойся, дела у меня в полнейшем порядке... – И вдруг словно опомнился: – Ну, так что ж это мы? Встретились – и как чужие? Здравствуй, Лидка!

Он легко вскочил в салон, захлопнул за собой дверцу и обеими руками схватил голову женщины.

Поцелуй был захватывающе долог и страстен до такой степени, что оба едва не задохнулись.

– Ты свободен? – воскликнула она. – Все? Окончательно?

Лидия откинулась на спинку сиденья и двумя руками поправила свою замысловатую прическу. Максим же, не отрываясь, смотрел на нее, словно изучал заново нечто давно и хорошо известное ему, открывшееся вдруг и с неожиданной стороны. Ах, до чего ж хороша!

А ведь, увидев ее два дня назад на экране телевизора, там, в гостиничном номере, поздним вечером, он не сразу и поверил, что это та самая Лидка Горбатова, с которой он был знаком практически с раннего детства, если таковым возможно назвать пребывание в детском доме. Он был постарше, похулиганистей, она обещала стать настоящей красавицей, гордой и, разумеется, неприступной. Но эта ее нарождающаяся неприступность оказалась однажды раз и навсегда дерзко разрушенной им, Максимом. К которому, как уже позже призналась Лидия, она с малолетства испытывала странное притяжение.

Потом они разъехались: он – в военное училище, она – в столицу, на журфак МГУ. Как-то получилось, что надолго потеряли друг друга. Хотя следует сказать, что после взаимно пережитых плотских радостей, которыми они и отметили свой уход в большую жизнь, оба как-то не ставили задачи дальнейшего совместного существования. Несколько бурных ночей, проведенных в одной постели, открыли каждому из них свое. Максим, скорее всего, удовлетворился очередной к тому времени сладкой победой, а жениться там или что-то продолжать в том же духе не очень хотел, поскольку испытывал тогда к Лидке скорее даже родственные чувства. Все-таки детский дом и совместное в нем проживание взрослеющих молодых людей больше напоминает семью, семейные отношения. Ну раз-другой, как говорится, еще куда ни шло, но жить, по сути, с сестрой – это все же не очень... Так он думал, чувствуя, что уже походя, как бы между делом, намечает себе очередную приглянувшуюся пассию.

Возможно, нечто сходное испытала в конце концов и Лидия. Но прежде всего она открыла для себя... себя же. И ей это очень понравилось. А Максим? Что ж, он талантливо разбудил ее! Она даже исподволь, может быть, догадывалась, что все именно так и случится, потому и тянулась к нему. И вот наконец произошло, а дальше?..

Пожалуй, она бы не отказала ему еще и еще, и так до бесконечности, условной, разумеется, ибо все обязано иметь свой конец, но разбуженная первым ее мужчиной страсть уже рисовала перед нею грешные, но такие восхитительные перспективы, отказываться от которых она в дальнейшем просто не желала.

Таким вот образом их тяга друг к другу сама собой утихла, уступив место искренним товарищеским отношениям. А потом они и вовсе расстались...

Увидев – ну конечно же Лидку! – восхитительную ведущую на телевизионном экране, где руководитель белоярского телеканала, как она была представлена телезрителям, вела диалог с губернатором Гусаковским о перспективах губернаторской гонки, надвигающейся на этот сибирский край с добрыми старыми традициями, Максим не сумел удержаться от соблазна и позвонил на студию, в справочную службу. Разумеется, передача шла в записи, о чем сообщили ему, но это его не смутило. В ответ на самые категорические возражения какой-то суровой теткой он постарался-таки упротить ее самое позвонить госпоже Горбатовой и просто передать ей, что здесь в городе, проездом, совершенно случайно оказался ее почти родственник, – и Максим назвал себя. Он ничем не рисковал. Если Лидка захочет, она перезвонит сюда, в гостиницу. Ну а не захочет, – что ж, значит, не судьба.

И, вглядываясь в телеэкран, наблюдая за поведением этой темноволосой и гордой красавицы, Максим испытывал все нарастающее волнение. И ему определенно казалось, что та Лидка, которой он в свое время охотно помог стать женщиной, и эта эффектная телеведущая – совершенно разные люди. И если уж на то пошло, с прежней Лидкой он мог бы разве что предаться ностальгическим воспоминаниям, зато с этой роскошной дамой с экрана и мысли и дела были бы совсем иными, без сомнения.

Потому чрезвычайно обрадовался, когда в его номере раздался желанный телефонный звонок.

Ну да, конечно, Лидия Михайловна сразу узнала его – по голосу, по чему же еще? И страшно рада его слышать. Это прямо как эхо, принесшееся из юности. И она готова немедленно встретиться. Впрочем, не немедленно, а... есть срочные дела, но в ближайшие день-два – просто обязательно!

Такой вариант очень устраивал: Максим и сам не собирался устраивать вечера воспоминаний или чего-то иного, более приятного, пока заказ не выполнен. Договорились, что он позвонит ей домой – он тут же записал телефонный номер, – когда завершит свою срочную работу.

А сегодня днем, когда уже окончательно оформился в голове план операции, когда была проведена вся предварительная подготовка и уже ничто, по убеждению Максима, не могло бы изменить принятого им решения, он позвонил Лидии и продиктовал на автоответчик, что будет готов предстать пред ее черны очи в двадцать один тридцать в таком-то месте, несмотря ни на какую погоду.

Ему необходимо было время для того, чтобы грамотно построить свой выход из отеля: треп со швейцаром, забытые ключи, переодевание в номере и так далее.

И вот ее лицо в его ладонях. Он ощущает запах дорогих ее духов, а руки сами тянутся под пушистую белую шубку, помня об упругом девичьем теле, но внезапно ощущают вполне зрелые формы, отчего по всему телу пробегает мгновенная дрожь внезапно вспыхивающей похоти, и то, что ощущают сильные ладони, становится жарким и податливым...

– Ну, ну... – шептала она, продолжая прижиматься к нему. – Не торопись, не форсируй, у нас масса времени... Не гони, а то я сама сейчас наделаю глупостей...

Естественно, даже при великом желании в машине в такую погоду вряд ли кто станет заниматься глупостями, однако главное было сказано, и теперь оставалось только дотерпеть, не перегореть раньше времени...

При первом телефонном разговоре – несколько сумбурном, безалаберном – они практически так и не успели ничего толком узнать друг о друге. И сейчас в машине постарались несколько прояснить позиции.

Максим был не женат, имел вполне приличную жилплощадь в Москве, выданную ему тем ведомством, в котором трудился. Так он ей рассказывал. Работа непростая, связана с частыми командировками, до семьи ли тут? Вот и приходится... ну, приходилось пока довольствоваться приятными случаями. Специфическая работа, уточнил он, заметив ее настойчивый интерес. Выпадают, правда, иногда и день-другой свободные, вот как теперь.

Лидия перебралась сюда, в Белоярск, из Москвы, где работала менеджером на телеканале ТВ-5, относительно недавно. По личному приглашению губернатора Гусаковского. Сделала с ним в свое время несколько интервью, ему понравилось. Пригласил возглавить, а по сути – поставить на ноги местное телевидение, влачившее при прежнем губернаторе жалкое существование. Обещал квартиру, хорошую зарплату и прекрасные отношения. Рискнула – и вот, здравствуйте! Пока еще ничего, время есть, но надвигаются выборы, а значит, пойдет такая гонка, такая начнется свистопляска, что уму непостижимо. Конкуренты у Андрея Ильича сильные, наглые. Один – бывший губернатор, другой – руководитель предприятия, имеющего,

в общем, градообразующий, как нынче принято выражаться, характер. Тысячи рабочих, продукция, которая еще вчера, что называется, была окутана строжайшей государственной тайной. Только чистая прибыль комбината за прошедший год составила побольше полутора миллиардов рублей. Можно себе представить! И вот сошлись теперь три медведя, и что будет дальше, одному Богу известно...

Ну, кроме Господа Бога, подумал Максим, есть и еще кое-кто, кому известны отдельные моменты противостояния кандидатов в будущие губернаторы. Сказал бы он Лидочке, да только надо ли раньше времени забивать ее прелестную головку печальными новостями? А может, вовсе и не такими уж печальными? Она-то ведь на Гусаковского работает! Во всяком случае, инициатива в данном вопросе пока неуместна.

Вот так, за приятной болтовней, не заметили, как машина, будто сама, даже без помощи водителя, въехала в заснеженный, как и все остальное вокруг, двор и остановилась возле ярко освещенного подъезда.

Как бы ни был внимателен Максим к Лидии и ее рассказу о себе, он не забывал, словно бы мельком, наблюдать за дорогой. И быстро понял, что они не столько ехали, сколько крутились по переулкам в одном районе. Будто бы она сознательно стремилась запутать его в незнакомом ему городе. Но Максим ориентировался отлично, как, впрочем, и всякий человек связанный с военной профессией. И он сообразил, когда подъехали к дому Лидии, что место, где он сегодня работал, находится примерно в полутора кварталах отсюда. Тот же типовый проект и все остальное. Ну что ж, в крайнем случае, при острой необходимости, можно будет добраться до местного «Хилтона» за десять – пятнадцать минут. Состояние постоянного напряженного внимания давно уже не оставляло его. Такая профессия. И, даже расслабляясь, он продолжал всегда держать себя в готовности номер один. От греха...

Лидия жила точно в таком же доме, в котором еще недавно был Максим, и занимала на шестом этаже двухкомнатную квартиру. По белоярским понятиям одинокая женщина, да еще не местная, то есть не имевшая здесь корней, устроена более чем прилично.

Квартира ему понравилась ввиду отсутствия в ней лишних предметов, которыми так любят окружать себя некоторые женщины. Все было в меру аскетично и целесообразно. Спальня-будуар, рабочий кабинет, при нужде он же гостиная, много хорошей оргтехники, чистенькая просторная кухня, где, вероятно, проходит вся жизнь, не связанная с прямой работой, ванная – с массой флаконов и тюбиков.

Заглянув в нее, Максим неожиданно понял, чего больше всего хотел бы в данный момент – принять контрастный душ. Руки он, как человек отчасти суеверный, помыл еще в своем номере, когда пришел поменять обувь. Но хотелось освежиться, смыть с себя напряжение прошедшего дня.

Лида легко поняла его желание и предложила немедленно идти в душ, при этом как-то уж очень откровенно и обещающе заглянув ему в глаза. И он без труда сообразил, о чем это она.

– Что это за запах такой? – спросила между прочим, прижимаясь лицом к его груди и поднимая на него томный взгляд. – Я еще в машине почувствовала.

Ну да, конечно, ведь именно здесь, в кармане куртки, практически весь сегодняшний день он таскал «макарова». А запах железа и смазки устраняется довольно трудно.

– Я человек военный, Лидуша, – ухмыльнулся он, – запах оружия, даже когда ты его с собой и не носишь, все равно присутствует. И это – одна из печальных издержек нашей профессии, что поделаешь!

– А я совсем не против него, – возразила Лидия. – Мне он как раз нравится – мужественный, мужской! И уж его никак не спутаешь с запахом немытого тела. Ну иди, и я к тебе сейчас, только приготовлю...

Все у нее уже было продумано наперед, это хорошо, подумал Максим и, оставив пиджак на вешалке в коридоре, отправился в ванную...

Лидия не врала, рассказывая о себе Максиму. Просто есть всегда вещи, которые недоговаривают. Бывает, что лишнее знание отягощает, и довольно сильно. А великий иезуит Игнацио Лойола, так тот откровенно говорил: «Все, о чем я промолчу, мне не повредит». Потому и Лидия, не ощущая, в общем, опасности, которая могла бы исходить от лучшего друга ее детства – конкретно для нее, предпочла представить свою сегодняшнюю жизнь как довольно забавное приключение, хотя никакого риска оно в себе не содержало. А что ж за приключение, да без риска! Так себе, сладкая водичка.

Но если быть до конца искренней перед самой собой, то она видела, что риск все-таки был, и даже вот в этом, сегодняшнем ее свидании с прошлым. А дело-то, вся соль, как говорится, заключалось в том, что Лидии было известно, кто таков и чем занимается Максим Леонидович Суслин – таким знала она его с детства, под этим именем он зарегистрировался в гостинице. А вот, кстати, и в удостоверении, которое он якобы легкомысленно оставил в кармане пиджака, пропахшего оружейной смазкой, значилось то же самое: Суслин Максим Леонидович, подполковник милиции. Место службы – Министерство внутренних дел РФ, Управление оперативно-технических мероприятий.

Достаточно информированная о милицеских делах и проблемах, как всякий телевизионщик, владеющий темой, Лидия была убеждена, что если ее старый друг и занимается прослушиванием, к примеру, чужих телефонных переговоров, то это лишь официальное прикрытие. Ибо в Белоярск он прибыл совершенно с иными задачами. И задачи эти, точнее, пока одна из них была четко сформулирована Андреем Ильичом Гусаковским. И при разговоре присутствовали только трое: сам Гусаковский, Лидия в качестве лица, которому губернатор доверял полностью, и его помощник для особых поручений Егор Алексеевич, бывший спецназовец, курировавший, но не подменявший охрану губернатора.

Гусаковский тогда прямо сказал, что устраивать скачки с Валерием Смирновым он не желает. Значит, требуется, чтобы тот сошел с дистанции. Каким образом – это дело помощников. Сам он в этом не участвует. Потому что впереди уже наметился второй претендент на губернский трон – Лешка Минаев, который особой активности пока не проявляет, но за ним не задержится. Да и рабочий класс, будь он неладен, что-то в последнее время стал больно разговорчивым. Так что и здесь еще хорошенько подумать предстоит.

После того позднего разговора Егор, как человек не шибко далекий, но достаточно решительный, предложил решить проблему со Смирновым кардинально. Мол, на старого губернатора многие нынче готовы большую бочку покатить, только подскажи! Сколько народу попросту разорилось во времена его правления? И надо же, опять лезет! На что-то надеется?

Но Гусаковский даже руками замахал: только без меня! Я в ваших задумках не участвую!..

Егор особо рассуждать не любил и быстро связался со своими старыми корешами, часть из которых ушла охранять важных персон, а другая превратилась именно в тех, от кого эти персоны охранять больше всего и требовалось. Условия были обговорены быстро, из Москвы сообщили, что нужный человек уже выезжает в Белоярск, где в самое ближайшее время и выполнит заказ. Кто этот человек и как он выглядит, заказчика интересовало не должно.

Оно бы так и было, но поздний звонок неожиданно оказавшегося в Белоярске Максима не только обрадовал, но почему-то и озадачил Лидию. Конечно, это банальная истина, что жизнь полна неожиданностей, но интуиция подсказывала ей, что в данном случае все случайности могут вполне выстроиться в определенную закономерность.

Проверить, чем занят в городе Максим, труда не составило: недаром же Егор прошел в свое время суровую школу спецназа. Да ему и самому было любопытно узнать, не имеет ли приезжий знакомый Лидки, которая в принципе не отказывала в приятной близости своему коллеге – а Егор в сорок с небольшим выглядел, да и умел действовать, очень даже вполне, –

короче, не связан ли подполковник милиции Суслин с тем заданием, что пообещали выполнить москвичи. И два дня ненавязчивых наблюдений показали, что Лидия не ошиблась. О чем ей и сообщил Егор Алексеевич, подчеркнув, что интуиция снова не подвела ее.

Вообще-то он не советовал Лидии особо раскрываться перед этим Максимом. Детство, оно хоть и детство, а работа исполнителя такова, что чем меньше народу о ней догадывается, тем проще этому народу и живется. Лидия учла. Но вот все же не удержалась, вроде как намекнула по поводу оружейного запаха. Максим отреагировал спокойно и даже с юмором. Ну и ладно.

Глядела на своего первого в жизни мужчину Лидия и не узнавала его. Сильный, уверенный в себе мужик. Он и прежде не был глуп, а дураков она и на дух не переносила. И слюнявых, распинающихся наутро в своей невероятной проснувшейся к ней любви. Ну взял свое, сам девушку не обидел, все довольны, чего тебе еще? Какого рожна? Нет, такому живой бабы мало, ему еще и морально помастурбировать охота!

А еще Лидия успела неоднократно заметить, какими глазами смотрел на нее Максим. И он тоже не узнавал ее – прежнюю. Потому что в противном случае то, к чему они оба устремились, было бы повторением прежних упражнений. А Лидия, видя его глаза, определенно ожидала подарка. И чтобы не затягивать дальнейшего, она сунула удостоверение на место, в спальне быстро скинула с себя все лишнее, облачилась в полупрозрачный пеньюар, выгодно подчеркивающий все ее прелести, и решительно шагнула через порог ванной.

Максим таким греческим гоплитом, широко развернув плечи, стоял под сверкающим конусом душа, ледяные брызги которого проникали даже сквозь прозрачный занавес... Попали на Лидию, и она вскрикнула от неожиданности:

– Боже, как ты можешь?! Это же ужас!

Максим отключил душ, отдернул занавес и протянул к ней руки.

Лидия коснулась их и почувствовала оторопь – лед! Спина вмиг покрылась мурашками. Но он сильным движением поднял ее, отшвырнул в сторону ненужный пеньюар и кинул Лидию к себе на грудь.

Она взвизгнула от холода, но тут же словно распласталась на нем, обволакивая собой – всем телом, руками и ногами, и вдруг запоздало сообразила, что интуитивно ждала его всю жизнь, с той самой минуты, как они расстались немало уже лет тому назад...

Остальное было делом техники, во владении которой она не представляла себе равных, а он, со своей стороны, ни в чем не разочаровал ее. И это оказалось прекрасно...

Ближе к полуночи в кабинете Лидии раздался телефонный звонок. Она соскользнула с широченной своей постели, куда любовники переместились из ванной, чтобы уже окончательно не отрываться друг от друга, и от стремительного утоления страсти перешли к методичному, но по-прежнему жадному, изнуряющему душу насыщению, и подняла трубку.

– Докладываю, – услышала она явно ухмыляющегося Егора, – заказ выполнен на отлично. Но будет лучше, если он до утра оставит город. Не хотелось бы некоторых сложностей.

– Где-то прокол? – встревоженно спросила Лидия.

– Нет, я же сказал, все чисто. Но я высказываю свою точку зрения. Думай сама, что тебе лучше.

Понятно, ухмыльнулась и Лидия, мы ревнуем! Ну и что? Куда без этого? Ничего, дружок, потом злее будешь... Так она успокоила себя, понимая, что бурная ночь с Максимом все равно однажды должна закончиться и это «однажды» произойдет очень скоро. Как это ни печально.

А вот завтра же, возможно, прямо с утра, надо будет очень внимательно посмотреть, что накопили на месте преступления следователь и оперативники, к каким выводам пришли. Все равно ведь придется давать обширную информацию по телевидению. Писать для Андрея выступление, полное праведного гнева и скорби. Хотя в тех вопросах, где требуются силь-

ные эмоции, он и сам мастак. Но... лучше все-таки, чтобы во всем, включая события трагического порядка, соблюдалась определенная мера. А то, не дай бог, занесет Андрея, ляпнет чего-нибудь по старой, еще армейской своей привычке, ты же будешь объяснять, что он хотел сказать совсем не это, а то...

Вернувшись в постель, она увидела вопросительный взгляд Максима.

– Ты о чем? – удивилась она. – Я думала, ты спишь... Ах, телефон? – Она нахмурилась. – Это из губернаторской службы... Очередная неприятность. И крупная, кстати... Убили одного из кандидатов. У нас же выборы, ты видел сам... О господи! Теперь начнется!..

– А лично для тебя это очень плохо? – спросил он как-то осторожно.

– К сожалению, милый, – печально ответила Лидия, – этот мир, и в частности, наш, телевизионный, как и у всех остальных средств массовой информации, устроен таким образом, что вещи, представляющие беду для тех, кого они касаются напрямую, у нас удачный повод для повышения рейтинга. Понимаешь? Главное – как подать факт. Вот всем своим существом я в данный момент снова жутко хочу тебя, а в башке у меня уже возится подлая мыслишка: кого завтра послать на место, кто возьмет интервью у следователя и кого позвать прокомментировать это ужасное событие.

– Да, не позавидуешь... – протянул он и вдруг... зевнул. Тут же прикрыл рот ладонью, добавил торопливо: – Прости, я был в напряжении последние дни, но это у меня чисто... внутренняя усталость. Не физическая, нет. Я тоже снова хочу тебя.

И он привлек ее к себе, заставляя принять удобную для очередной схватки позу, сильно и в то же время не грубо ломая ее невольное сопротивление и самодовольно при этом ухмыляясь.

Переживать они тут, видишь ли, будут!.. А что, разве заказ не от них же и поступил? Может, не конкретно от Лидии, пришла вдруг мысль, но что у ее хозяев рыло в пушку, несомненно. И он с ходу добавил жару – до вопля, до ее истошного крика...

Какое-то время спустя, уже освободившись, но все еще остро переживая мощный оргазм, Лидия совсем посторонне, почти отрешенно подумала, что ее знание, почувствуй это Максим хоть на миг, определенно принесло бы ей страшную беду. И с неожиданно проснувшейся, странной тоской пожелала себе, чтобы эта ночь поскорее для нее кончилась...

Глава вторая АДВОКАТ

Они познакомились совершенно случайно, в обычной подмосковной электричке. Студенты ехали в свое общежитие, которое находилось между станциями Ильинская и Отдых, что по Казанской дороге, в Раменском направлении. А «горные орлы» – их было двое в тот вечер в поезде – тоже ехали, не совсем четко себе представляя, куда конкретно. В Раменском уже сумели обосноваться их земляки, постепенно завоевывали себя прочные позиции на городском рынке, предпринимали усилия для обеспечения себя временными семьями, жильем. Идея была проста: ты обхаживаешь местную девку – желательно, чтобы она хотя бы аппетитно выглядела, – предлагаешь создать совместный семейный очаг, все условия для этого имеются в наличии – паспорт со штампом развода, деньги, а главное – острое желание. Дальше – ЗАГС, хочешь церковь – тоже пожалуйста, прописка и... как камень ляжет! Обычно все камни в руках умелых игроков с Кавказа ложились правильно. Осечки, во всяком случае, бывали редки.

Вот к ним, своим отдаленным то ли родственникам, то ли односельчанам, и держали путь двое «лиц кавказской национальности». Здесь нет никакого личного оскорбления со стороны адвоката – именно так было записано в материалах уголовного дела. А вот сами ли себя так называли пострадавшие, или так для собственного удобства записал милиционер, принимавший от них заявление, по сути, в сегодняшних условиях значения не имеет, пусть уж так и останется на совести опера из Ильинского поселкового отделения милиции.

Так в чем же заключалась кровная обида, которую нанесли наивным жителям гор, приехавшим по важным торговым делам в столицу родного их государства, трое молодых злодеев, преступно воспользовавшихся их доверчивостью? В составленном ильинским блюстителем закона и порядка протоколе живописалась поистине леденящая душу сага. Но, отбросив ненужные подробности, надиктованные эмоциональными кавказцами, существо дела можно свести к следующему.

Жители Махачкалинского района, из села Агачаул, Султан Бецов и Казбек Алиев ехали себе тихо в электричке и слушали, о чем говорит народ. За их спинами, в соседнем купе – это так называется? – ехали трое студентов. Гости столицы невольно слышали их разговор. А речь шла о баксах! О том, что «логотрон», в нынешнем его состоянии, к сожалению, не осиливает все тридцать восемь известных и секретных степеней защиты, но за пятнадцать можно ручаться уже стопроцентно. А это уже «Красноярск» – несомненно. «Чирики» вообще в печати идут почему-то легче, то ли гамма цветовая попроще, то ли на Гознаке в свое время решили, что вряд ли найдется охотник создавать сложную машину для печатания червонцев. Мол, овчинка выделки не стоит. А оказалось, что стоит, да еще как! И затрат на красители – самый мизер, и к десяткам обычно не сильно присматриваются, особенно если их немного искусственно состарить. Вроде бы десятка – она и есть десятка, невелика сумма, но пятичасовая работа «логотрона» обеспечивает пятнадцать кусков, а значит, каждая минута работы стоит пятьдесят рубчиков. Не так уж и плохо для первого раза!

Не очень понятный, конечно, разговор вели студенты, – какой-то хитрый прибор «логотрон», какие-то деньги, понимаешь! Но люди из дагестанского аула были не такими уж дураками, чтобы не уловить самой сути. Вот и студент, один из сидящих сзади, в ответ на упреки, что до сих пор не приступил к сканированию «полтинника» – они его называли «Петербургом» и еще «биржей», наверное, из-за картинки на купюре, – уверял, что пока не готов к более сложной работе. А вообще-то пора кончать мелочиться и переходить к «Большому театру» – вот это задачка!

Нет, совсем не дураками были Бецоев с Алиевым, они быстро раскусили, что студенты, скорее всего, умельцы, которым, как и прочим российским Кулибиным, никогда не хватает средств, чтобы осуществить свои грандиозные изобретения. Ну как было не помочь талантливым людям?!

Где-то в районе Люберец они познакомились. Электричка понемногу пустела, сели напротив друг друга, заговорили про жизнь. От больших сумок людей с Кавказа шел вкусный запах. Студенты хищно вертели носами, принюхиваясь. Скоро выяснили, что кавказцам пока неясно, где придется сегодня ночевать, поскольку ехать еще долго, а на месте ли их друзья, неизвестно. Ну вот студенты и пригласили их в свою общагу, где всегда найдется пара свободных коек. В расчете на вкусный ужин, разумеется. А на что еще они могли рассчитывать, скажите?

Короче, сошли в Ильинской, быстро дотопали до общежития, так же без труда договорились с дежурной, объяснив, что это родственники одного из них и надо помочь перекантоваться всего одну ночь. За разрешение дежурная получила парочку роскошных гранатов. Какие разговоры?..

Пока жарили мясо, подогревали настоящий кукурузный арак, словом, пока ужинали, упоминание о «логотроне» даже и не всплывало. Но когда студенты малость забалдели, Казбек, как старший, завел разговор на эту тему – деликатно, исподволь. Мол, слышали совершенно случайно, заинтересовались самой идеей и все такое прочее. Но студенты, надо отдать им справедливость, отвечали неохотно. Ну да, есть кое-что, но... надо еще долго думать, а для ускорения процесса не хватает финансов. Правда... как сказано, кое-что все-таки сделано...

Подогретые щедрым угощением – не бесплатно же, а за право предоставления коек для ночевки! – студенты переглянулись, будто посовещались мысленно, и, так уж и быть, решили показать свой аппарат гостям.

Ну что можно сказать? Аппарат как аппарат. Небольшой, компактный. Правда, достаточно тяжелый. Есть отверстия с противоположных сторон корпуса. Одно для подачи специальной бумаги и – рядом – для строго отмеренных доз красителей и лаков. С противоположной стороны располагался покатый лоток, на который после произведенных операций выползала еще свежая, даже слегка влажная, хотя и немного искусственно состаренная десятирублевая ассигнация. Последнее – чтобы уже подсушенная на батарее водяного отопления купюра не выглядела подозрительно.

Казбек достал из кармана собственную десятку, ему дали большое увеличительное стекло, и он, как ни старался, так и не смог обнаружить на только что выползшей из станка купюре никакого различия с подлинной. Вот это класс!

И управлялся этот класс с помощью обычной электрической розетки, куда втыкалась вилка от аппарата, и небольшого пульта, больше напоминавшего клавиатуру от компьютера. Вот так, все очень просто. Но – гениально!

Казбек с Султаном, словно играючи, будто дети малые, раз за разом нажимали соответствующие клавиши, и из нутра «логотрона» – «логос» по-гречески оказалось «смыслом», «всеобщей закономерностью», а «трон» – от того же греческого «тронос», то есть кресла монарха, символа, так сказать, власти; а все вместе выходило как бы властью смысла – во до чего додумались студенты! – так вот, из нутра машины на лоток выползали все новые и новые десятки. До тех пор, пока студентам это дело не надоело. Зачем зря машинку гонять?

Фантастика? Но тут заглянул в комнату кто-то из их приятелей. Подозвал одного, шепнул что-то на ухо, тот кивнул. Потом подошел к «логотрону», быстрыми пальцами набрал нужную программу, и машинка выдала в течение минуты еще пять червонцев. Парень собрал их и протянул пришедшему. Тот взял, кивнул всем и исчез за дверью.

«За бутылкой на станцию побежал», – объявил студент гостям.

«И что, – поинтересовался тут же Казбек, как старший, – часто вы так?»

«Казбек, – очень серьезно ответил один из студентов, наверно главный изобретатель, – не надо так говорить. Мы вам просто показали, и – все. Слава нам ни к чему, а урон государству от нашего изобретения вовсе не велик. Оно нам больше недоплачивает, чем мы получаем. Мы ж молчим? Не скандалим? Не требуем всеобщей справедливости?»

Да, тут было о чем подумать. Собственно, гости с Кавказа уже для себя все решили, оставалось как-то уговорить, уломать этих студентов, пострадать наконец! Это ж только подумать: пять часов – пятнадцать тысяч! А в месяц! А в год!!

Нет, были и трудности – опять же специальная бумага, запечатанная в черном железном валике... Опять же и красители... И они начали привычную для себя торговлю издавека: а какова окупаемость, а каковы трудности с материалами и так далее. И сколько такой «логотрон» мог бы стоить?..

Оказывается, эти дурачки-студенты, Кулибины замечательные, даже и не думали на этот счет! Но тут же ухватились за поданную умными людьми мысль и сели считать. А когда прикинули, то выходило что-то в пределах тридцати – сорока тысяч долларов. Включая двухмесячный запас исходного материала.

Теперь калькуляторы быстро заработали в головах гостей. И так же быстро выдали результат. Если заставить машинку «пахать» хотя бы десять часов в день, она полностью себя окупит в течение месяца. А дальше будет работать только на чистую прибыль! Вот это бизнес!

Глаза гостей светились пламенем, напоминающим отблеск солнца на сверкающих вершинах Кавказа. А студенты – народ бедный. Они сами недавно сетовали на невозможность дальнейших опытов ввиду отсутствия финансовой базы.

Одним словом, уговоры длились до утра. Студенты нипочем не соглашались продать свое изобретение. Казбек с Султаном уже дошли до высшей ставки – в сорок тысяч баксов, черт с ними, бизнес важнее! И уломали...

Условие было лишь одно: не лазать жадными пальцами в нутро аппарата, нашпигованное тонкой электроникой. Да, и постараться все же не эксплуатировать установку более пяти часов в день. Если сгорит главная плата, ее замена обойдется не менее чем в пять тысяч долларов. Да еще достать ее надо...

Именно жадность, как широко известно, сгубила фраера.

Кабы не торопились Казбек с Султаном, кабы умерили аппетиты, глядишь, и выдавала бы им машинка под хитрым именем «логотрон» их законные пятнадцать тысяч рублей в день. Ну поработала бы установка, печатающая деньги, дня три с небольшим, поскольку ничего она не печатала на самом деле, а выдавала по команде увлажненные и бывшие в употреблении родные наши купюры, общей суммой в пятьдесят тысяч. Больше просто места не было в «логотроне», забитом всяческой ненужной электроникой, а точнее, не было больше червонцев у студентов. Пятьдесят тысяч – это все, что они наскребли, да еще часть ушла при демонстрации прибора.

Гости уехали, увозя с собой символ «всеобщей власти смысла», а веселые студенты сумели найти быстрое и полезное применение упавшему с неба гонорару, ничуть не заботясь о возможных последствиях. А опасаться им очень даже следовало. Ибо дурак – он повсюду дурак, даже на Луне. Но дурак, которого ловко обвели вокруг пальца, умнее впоследствии не становится, но злее – обязательно. Недаром же считают знающие люди, что обнаглевший и разъяренный фраер – страшнее бешеной собаки.

Кавказские гости оказались именно из этой породы.

Когда печатный станок, демонстрируемый захлебывающимся от зависти землякам, вдруг сам по себе перестал выдавать желаемую продукцию, нашелся и среди них умелец, вскрывший аппарат. И взорам ошеломленных обладателей миллионного состояния вдруг предстала жалкая картина последней скомканной валиками десятки, не попавшей в нужную щель. И больше там ничего не было. Те купюры, которые студенты положили в ящик, кончились.

Ну кому придет в голову мысль, что облапошенный мошенник вдруг пойдет просить у Закона защиты от другого мошенника? Бред! Нонсенс! И тем не менее...

Юрий Петрович Гордеев, адвокат из юридической консультации № 10, к которому обратилась родительница одного из непутевых чад, «изобретателей» новой системы в фальшивомонетничестве, со слезной просьбой защитить это самое чадо и его товарищей от обвинений в жутком уголовном преступлении, естественно, внимательно изучил это дело. И даже искренне удивился той суровости, с которой подходил к преступлению, «совершенному группой лиц по предварительному сговору», следователь Люберецкой городской прокуратуры Чушков Василий Васильевич. По его твердому убеждению, ребята совершили противозаконные деяния, предусмотренные статьями 152 в части 3 и 186 также в части 3 Уголовного кодекса Российской Федерации. В первом случае – это мошенничество, совершенное а) организованной группой и б) в крупном размере, а во втором – изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов, совершенное организованной группой. И та, и другая статьи тянули на сроки свыше пяти лет.

Ну, если в первом случае еще можно было бы, как известно из песни, «говорить и спорить», то во втором случае утверждения прокуратуры были попросту абсурдными. Но именно эта позиция заставила Гордеева не увлекаться явными промахами следствия, а внимательно разобраться в истинных причинах этих «промахов». И он скоро пришел к выводу, что подобное обвинительное заключение наверняка хорошо оплачено истцами.

И не ошибся.

Он съездил в знаменитую Бауманку, альма-матер новоявленных Кулибиных, послушал профессоров, съездил и общежитие, где пообщался с товарищами обвиняемых в мошенничестве и подделке денег студентов. В общем, представил для себя достаточно ясную картину происшедшего, с чем и явился в судебное заседание.

Старое, неудобное и тесное здание городского суда было переполнено. Половину узкого зала занимала сторона истцов, даже из уважения к суду не соизволившая снять с голов папахи и теплые шапки. Сторона обвиняемых была представлена, естественно, родителями, общественностью технического университета и свидетелями из общежития, коих тоже набралось немало.

Потерпевшие уверяли суд, что их нагло обманули, ограбили на крупную сумму. Со своей стороны, обвиняемые уверяли, что истцы сами вынудили их продать им лжеаппарат. Они без конца их уговаривали и даже стали шантажировать, что заявят, куда следует, а так они готовы заплатить деньги и даже заказать следующую разработку, то есть производство купюр более высокого достоинства.

Когда обман вскрылся, эти кавказцы дружно явились к общежитию с угрозами и требованиями не только выплатить требуемую сумму, но и причитающуюся им дополнительную, якобы включенную по какому-то счетчику и потому вдвое превышающую первую. Но ведь и студенты тоже народ тертый, не шибко пугливый. И когда навстречу кавказцам вышли пятеро мальчиков из университетской сборной по самбо и вольной борьбе, те стихли и предпочли ретироваться. Вероятно, этот их испуг и определил сумму того интереса, который с такой «неподкупной» суровостью пытался теперь протолкнуть в суде нерасчетливый, по всему было видно, прокурор.

Гордееву нравилось работать с народными заседателями. Люди простые, в иезуитских судебных тонкостях негораздые, они были способны откликаться эмоционально. На что и рассчитывал Юрий Петрович. И свою защитительную речь, когда толстуха судья Валерия Семеновна предоставила ему это право, предварительно крепко стукнув своим деревянным молотком по столу, чтобы наладить тишину в зале, начал с того, что рассказал о своих, в сущности, подзащитных пока – разумеется, пока! – являющихся самыми способными студентами всемирно известного учебного заведения, а уже завтра готовых принять в свои руки эстафет-

ную палочку от титанов российской науки. Это все следовало подчеркивать – постоянно и неуклонно.

Да, как все молодые и горячие головы, они не могут обходиться без шуток и розыгрышей, не замечая порой, не отдавая себе отчета, что их розыгрыши могут нанести существенный моральный и даже материальный урон объектам их шуток. Но все это – следствие их молодости. А не злой расчет.

А теперь перейдем к так называемым жертвам. К пострадавшим...

Гордеев знал, что говорил. И как говорил. Он не считал за великий труд и связался с прокуратурой Дагестана. Ничего не поделаешь, приходится для пользы дела просить о помощи друзей – старшего следователя Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры Александра Борисовича Турецкого и генерала милиции, начальника МУРа Вячеслава Ивановича Грязнова. Запрос не заставил себя долго ждать. И вот в руках Гордеева оказалась выписка из приговоров народного суда Республики Дагестан. Что он и собирался зачитать суду и присяжным.

– Так кого же мы сегодня видим перед собой? – с пафосом вопрошал адвокат. – На скамье подсудимых – наши будущие, как я уже говорил, Королевы и Туполевы, которые, кстати, тоже сидели в тюрьмах, но, правда, по другому поводу. А вот истцы. Кто они? Позвольте мне зачитать выписки из документов Верховного суда Дагестана, полученные только что. Итак, Бецов Султан Абдурахманович... в девяносто седьмом году был осужден у себя на родине на три года. За грабеж. Значит, вышел на свободу, можно сказать, на днях. Второй, Алиев Казбек Алиевич, дважды привлекался по статье сто пятьдесят восьмой – кража, но почему-то оба раза отделялся наказанием условным.

Весь зал возмущенно загудел. Но каждое возмущение носило свой ясный оттенок. «Папахи» сердились оттого, что адвокат занимается не своим делом. Он пусть защищает студентов, а не лезет обвинять пострадавших! «Ах вот вы какие!» – зло торжествовала вторая половина зала. Валерии Семеновне даже пришлось трижды обрушить на свой стол судейский «молот». Наконец, стихло.

– Ну, почему продали эту дурацкую игрушку студенты, в общем, объяснять не нужно. Тот, кто хочет, чтобы его обманули, обязательно этого добьется, тут большого ума не надо!

Гордеев тут же получил предупреждение от судьи. И немедленно искренне извинился: речь не о конкретных людях, а о принципе – по пословице.

– А куда деньги девали? Да никуда, по сути. То есть мыслей об обогащении у студентов не было. Рассмотрим другую сторону. С какой целью приобретали, причем, по свидетельству очевидцев, весьма настойчиво, сопровождая свои требования даже угрозами шантажа, эти двое граждан? Только ли для собственного обогащения? А может быть, задачи перед ними стояли более широкие – и прежде всего желание подорвать российскую экономику? Ведь они же не знали, что машина не производит денег, а лишь выдает по требованию то, что в нее было заложено изначально. И, кстати, эти деньги были честно заработаны так называемыми изобретателями!

И далее Юрий Петрович, несмотря на возмущенные выкрики «папах», предположил, что, с его точки зрения, было бы очень правильно провести расследование самого факта приобретения двумя вышеуказанными гражданами машинки, печатающей деньги, и выяснить, с какой целью они это сделали. Это – во-первых, и, во-вторых, также выяснить в том же порядке, о каком счетчике и о каких процентах у них шла речь. Не повод ли это для более глубокого уголовного расследования?

«Папахи» были злые, но хитрые и всю свою ненависть к адвокату, явно срывающему у них верное, хорошо оплаченное дело, они конечно же выражали вслух и довольно бурно, но... на родном языке. Эти бесконечные «цха» и «пчха» так и взвивались под низкие своды зала,

но как обвинять человека в неуважении к суду, если ты не знаешь языка, на котором тебя в открытую матерят?

Кажется, судья посчитала, что сказанного вполне достаточно. Стук ее карающего молотка утихомирил аудиторию: обратил крики в обычное злобное шипение, причем двустороннее.

Юрий Петрович уже успел высказать свою точку зрения на квалификацию деяния и полагал, что, конечно, нормальные народные заседатели – а в том, что они нормальные люди, он и не сомневался – не дадут восторжествовать откровенной несправедливости.

И оказался прав. Суду даже длительного времени не потребовалось для того, чтобы вынести свой вердикт. Мэру пресечения выбрать условную, но пострадавшим ущерб возместить. Большого Гордееву в принципе и не требовалось.

Со спокойной душой он покинул душное помещение, оделся и вышел на улицу. Свежий морозный воздух с такой силой ударил по мозгам, что прямо-таки закружилась голова.

Гордеев малость отдышался и направился к своему «форду», чтобы ехать в Москву, домой.

И тут его перехватил вышедший из здания Чушков. Следователь не поленился, догнал и по-приятельски прихлопнул по плечу:

– А ты молоток, Гордеев! Это ж надо, куда копнул!

Юрий Петрович посмотрел, подмигнул и спросил:

– Подвезти? Я на машине, – и кивнул на свой «форд».

– Нет, спасибо, моя – там! – Он кивнул куда-то вбок.

– Тогда пока, Василь Васильич, – протянул ему руку Гордеев.

– Пока-пока, – быстро произнес тот и боком отчалил.

Гордеев хмыкнул и покачал головой: ох, темны дела Твои во облацех...

А у машины его, оказывается, уже поджидало явное «лицо кавказской национальности». «Сейчас потребуют разборки», – подумал Юрий Петрович, но парень в ушанке с опущенными ушами предупредительно поспешил:

– Пройдите, пожалуйста, вон к тому джипу. – Он указал на большую черную машину в стороне. – Ничего не бойтесь, – добавил не без ухмылки.

– А чего я должен бояться? – с вызовом спросил Гордеев. – И вообще, у меня такой порядок: если я нужен, извольте завтра в консультацию. Знаете где.

– Не надо, адвокат, не надо. Просто подойди, поговори, тебе что, жалко?

«Странная постановка вопроса», – усмехнулся Гордеев.

– Ну ладно, пойдем.

Было уже поздно, и в темноте салона Гордеев, когда перед ним открыли дверцу, увидел полного и лысого мужика. В зале суда он его не встречал, во всяком случае.

– Садыс, пожалста, – с сильным акцентом сказал лысый. – Нэ стэсняйса.

Гордеев поднялся в салон, сел рядом, на заднем сиденье.

– Скажи, Юрий Петрович, а если я тебе адвокатам брал, что бы гаварыл?

Гордеев пожал плечами:

– Постарался бы найти и в этом случае оправдательные причины.

– Нашел бы?

Гордеев опять пожал плечами:

– Это большая работа.

Лысый подумал, почесал затылок, спросил:

– Выпить хочешь?

– Спасибо, я за рулем.

– Ладно, – вздохнул лысый, – извини. Ны обижайса.

– Хорошо, – кивнул Гордеев, – пока.

Он выбрался из джипа, сел в свой «форд» и порулил к центральной улице, ведущей в Москву.

Ну что ж, в принципе он мог быть доволен. Гонорар, правда, не бог весть какой, но все ж... Подумал, что те сорок тысяч баксов папашам и мамашам Кулибиных еще придется собирать, если сыночки не ввали, говоря, что все давно уже растратили. Ну да это мелочи жизни. Но каков все-таки этот Чушков! Хотя от настоящей чушки, то бишь свиньи, он унаследовал жадность, это бесспорно. Во всем же остальном он обыкновенная сука прокурорская. И хрен чего докажешь...

Возле дома, на Башиловке, Гордеев нашел расчищенное среди сугробов местечко и припарковался. Осмотрелся, все ли взял с собой, вышел, запер машину, поставил на сигнализацию и пошел в подъезд. Но, уже нажав кнопку лифта, вспомнил, что оставил в бардачке сигареты. Не потому что захотелось вдруг курить – он старался это делать как можно реже, особенно теперь, зимой, и так воздуху для дыхалки маловато, – но подумал, что после рюмочки, которую он сейчас обязательно примет за удачный исход еще одного дела, обязательно захочется сделать затяжку-другую. И решил вернуться к машине.

Оказалось, вовремя. Около бокового стекла со стороны водителя уже настойчиво трудился некий тип. А другой охранял его со стороны проезжей части.

Ничего не было с собой у Гордеева, кроме папки и кулаков, правда в кожаных перчатках. Он, индифферентно этак, проходя мимо мужичка на проезжей части, спросил:

– Помочь?

Того словно ветром отшатнуло. Но опомнился и, выпрямившись, грозно протянул, как, бывало, в прежние времена блатные:

– Че-о-о?

– Машину, говорю, открыть, или сами будете дальше ломать?

И вдруг этот «малой», как окрестил его про себя Гордеев, кинулся на него. Эва! А мы, оказывается, боксировать любим? Гордеев, даже не бросив папки, принял «боксер», да с такой силой и неожиданной злостью, что тот подскочил, ухнул и громыхнулся навзничь всем телом. Но из-за машины появился второй. И в руках у него была монтировка. Это хуже. В честном бою Юрий Петрович без труда бы отправил и этого в нокаут, но – с железом?

Выручила все та же смекалка. Вот тут он отбросил в сторону папку, которая теперь только мешала, и сунул руку в карман.

Между тем второй мерзавец обогнул машину спереди и, опираясь на капот, стал этак нагло поигрывать монтировкой, страху нагонять. Гордеев сделал шаг к нему, внимательно наблюдая за его угрожающими движениями, и резко нажал на брелок сигнализации. И произошло нечто невероятное по своей комичности.

Машина рывкнула. От неожиданности мужик аж взвился, забыв, чем хотел заняться, выронил свою железяку. А вот приземлился он уже прямо на вовремя подставленный кулак Гордеева.

Нет, не зря Юрий Петрович по настоящему совету все того же доброго своего товарища Александра Борисовича Турецкого старательно держал форму. Ну не чемпион Москвы, конечно, даже не участник первенства, но что-то все же сохранилось от не такой уж и давней молодости!

Короче, и второй налетчик растянулся на снегу неподалеку от первого.

Беспечность победителя – вот что всегда нас губит в первую очередь! Так говорил Турецкий. Прекрасно знал это и Гордеев и, как всегда, в очередной раз попался именно на пресловутой арбузной корке, той, знаменитой, из анекдота. Когда он нагнулся за папкой, размышляя при этом, что нужно что-то делать с мерзавцами – так ведь не бросишь, замерзнут, сволочи, –

он вдруг почувствовал, что на него словно обрушился дом. После чего он рухнул головой в сугроб. А потом долго ворочался, приходя в себя.

И когда выбрался из снега, стер с лица странную грязь и не забыл сказать спасибо Господу, что был в меховой шапке с завязанными на макушке ушами, а не в привычной шерстяной шапочке, увидел уже далеко, почти в конце улочки, две стремительно удаляющиеся фигуры. Вот те и на!

Потом он поднялся, взял папку, сняв ушанку, тронул затылок ладонью и увидел, что на ладони кровь. Ни хрена себе! Юрий Петрович зачерпнул немного свежего, чистого снега и прижал к затылку. Подержал, пока растает, еще положил и наконец решил, что экспериментов со здоровьем на сегодня вполне достаточно.

А еще подумал, что выпить рюмку ему теперь сам Бог велел. И с помощью двух зеркал поглядеть, что там, на макушке. Она уже, кстати, не болела. Она гудела от довольно крепкого удара.

Он снова включил сигнализацию автомобиля и отправился домой.

Исследование показало, что ничего страшного нет, а есть ссадина, которая кровоточила помаленьку, но сразу дико зашипала, когда Юрий плеснул на край полотенца водки и прижал к ранке. Вот тут он взвыл!

Стоял в ванной, глядел на свое перекошенное лицо и, не стесняясь, матерился от самого чистого сердца. И даже не обращал внимания на какой-то неприятный назойливый телефонный звонок. Звонит и звонит! Не отвечают, – значит, нет никого! Или не хотят никого слышать! А он, гад, все звонит...

– Не подойду! – рявкнул в сердцах Гордеев. И телефон смолк.

Но едва Юрий принес на журнальный столик бутылку с рюмкой и уже готовую закуску из холодильника и потом рухнул в любимое кресло, не забыв включить телевизор, этот проклятый телефонный аппарат вдруг очнулся. Ну точно как тот мерзавец со своей проклятой монтировкой!..

На второй минуте непрерывного звона, когда Гордеев еще не окончательно решил – разбить аппарат или наплевать на него и кинуть сверху подушку, рука сама потянулась к трубке. Он еще не успел ничего сказать, как оттуда принеслось, здрасте:

– А-а, ты все-таки дома? – И, не представляясь, ни здравствуй тебе, ни спасибо, сразу: – Чего не берешь-то? Я прямо измаялся!

– Простите, – вежливо сказал Гордеев, и это ему стоило немалого, – куда вы звоните?

– Юрка! Да ты че, не узнал совсем? Ну забурел, бродяга! Да Женька это! Елисеев! Или уже забыл кореша?

Женька Елисеев? Впрочем, особенно напрягаться не надо было, ну конечно, вечный баламут и бабник! Ну да, сокурсник. Он вроде где-то юрисконсультом устроился... Или в газету ушел работать? Нет, скорее, в газету.

– Ну, вспомнил наконец? – чему-то радовался Женька. А может, и не радовался, кажется, у него всегда был горячий темперамент.

– Вспомнил, но ты извини, столько лет прошло...

– Это ничего, – заторопился Елисеев. – А то знаешь, как теперь говорят? Ну, до встречи на следующих похоронах! А? Неплохо?

Да, ничего... Ничего хорошего. Он всегда был безалаберный – этот Женька. Даже и отчества его никто не помнил – Женька и Женька, а теперь, поди, еще и великовозрастный.

– Ну так какие проблемы? – не очень приветливо спросил Юрий. – А то я только приехал, день сумасшедший, заседание в Люберцах, у черта на куличках, а тут еще приболел...

– Это, конечно, не есть хорошо, старик, – бодро провозгласил Женька, – но дело – прежде всего. Хочу срочно напроситься к тебе в гости. Вообще-то было бы лучше в каком-нибудь

кабачке, но по твоему голосу чувствую, что ты не врешь старому корешу, а и в самом деле неважно себя чувствуешь. Тогда другое предложение. Ты как, холостякуешь?

– А какое отношение?..

– Прямое, старик! У холостяков всегда в холодильнике одно пиво.

– Логично. Но у меня и пива нет. Разве что рюмка...

– Одна рюмка – это, старик, для компрессов!

«Надо же! – удивился Гордеев. – Экстрасенс?»

– Словом, картина понятна. Тогда я сейчас заскочу в магазин, и минут через пятнадцать жди. Я почти рядом.

Короткие гудки отбоя.

Гордеев уже и рюмку налил – хорошую, граммов на сто, и ветчинки кусок на вилку подцепил. Но задумался: стоит ли спешить? Женьке определенно что-то срочно надо. Так, может, подождать? Но нет, сражение, которое только что произошло, требовало соответствующей реакции организма. Нельзя обижать собственное естество. И он принял рюмку, закусил и – расслабился в ожидании...

А по телевизору шли очередные «Вести». И собственный корреспондент откуда-то – названия города или области Гордеев пропустил мимо ушей – с блудливо-печальным лицом какой-то известной «куклы», имя которой никак не хотело прийти на память, живописал драматические картины губернаторской гонки. Судя по картинке за спиной корреспондента, дело происходило где-то определенно в Сибири.

Гордеев слушал вполуха осточертевшую «политику». Убили одного претендента на губернаторское кресло. Теперь второй претендент попался. Инкриминируют хранение наркотиков. А дальше началась сплошная пропагандистская риторика, и Юрий сердито переключил канал. Не фонтан, конечно, но хоть смотреть можно.

«Зеленые береты» где-то в тропических джунглях лихо косят малорослых и узкоглазых своих врагов. Те, естественно, высоко подпрыгивают, когда в них попадают пули, и после красивых кульбитов замирают на земле в причудливых позах. Рвутся гранаты, вулканами пылают бунгало, много грохота и крови – а не страшно! Виртуальная война. И жизнь все больше становится такой же виртуальной, черт побери...

И тут запиликал дверной звонок.

Женька, как и был уверен почему-то Юрий Петрович, практически не изменился. Он вошел шумно, весело, но немного настороженно. Это сразу отметил Гордеев. В руках – по-европейски, точнее, по-киношному – держал два высоких бумажных пакета.

Оглянулся, сморщил нос и, не раздеваясь, прошествовал прямо на кухню. Там поставил пакеты на стол и вернулся в прихожую. Разделся, сам нашел себе тапочки и наконец сказал:

– Ну здорово, старик! Все уроки учишь?

Это у него в университете была такая привычка – отвечать на вопрос: «Как дела?» – отрывисто и торопливо: «Некогда, старик! Уроки учу!..» Да, ничего не изменилось.

– Где будем? – деловито спросил Женька. И без перехода: – Эй, старикан! А что это у тебя на макушке?

– Да какие-то засранцы в машину полезли, пришлось вмешаться, вот и получил по балде. Ничего, уже и не щиплет.

– А-а, ну ладно, – успокоился Женька. – Но ты тогда в самом деле иди приляг, вдруг какое-нибудь сотрясение? Хотя... – Он посмотрел с сомнением.

– Ты чего? – не понял Юрий.

– Да подумал... по старой памяти, старик, откуда у нас мозги?

– Это ты про себя, что ли? – сделал вид, будто обиделся, Юрий.

– А-а! – обрадовался Евгений. – Купился-таки! А с другой стороны, старичок, те, у кого есть мозги, они не здесь, они уже там! Слышал, как умный еврей разговаривает с глупым евреем?

– Ну?

– Не «ну», а, во-первых, снисходительно. Во-вторых, по телефону. А в-третьих... из Нью-Йорка... – сказал и захохотал.

Улыбнулся и Гордеев. Не изменился Женька – легкая натура...

Он набрал в пакеты прилично, видать, не стеснял себя в средствах. На журнальном столике это все не разместилось бы, поэтому раздвинули кухонный и устроились там.

Выпили, стали закусывать, вспоминая старых приятелей: кто теперь где? И получалось так, что те, о ком помнили, либо выехали за границу, как говорится, на ПМЖ, либо померли, не пройдя земной жизни и до половины. А где же те, кого не помнили? А черт их теперь знает...

Женька стал рассказывать, что работал в газете, потом связался с одним интересным сибирским мужичком, осуществлял, так сказать, прямые контакты Белоярска с Москвой, точнее, с Государственной думой.

– И что это тебе дает? – спросил лениво Юрий. Хмель начал потихоньку забирать его. Да и башка вроде бы уже не гудела.

– Что? – неохотно повторил Женька и спохватился: – Слушай, старик, надо срочно телик включить!

– А чего там?

– Да все про Белоярск наш... – став вдруг мрачным, сказал Женька. – Там неделю с чем-то назад застрелили в собственном подъезде бывшего губернатора, который баллотировался на очередные выборы. А следом крупные неприятности со вторым претендентом...

– Это который с наркотой, что ли, попался?

Женька с изумлением уставился на Гордеева:

– Юрка, старик, да ты что, Ванга?

– Нет, – разочаровал его Гордеев, – просто я краем уха с полчаса назад репортаж слышал, но откуда он и о чем конкретно, так и не понял. Да и не хочу, если честно. Надоели все эти гонки, ралли, отстрелы и прочее. Я начинаю думать, что чем скорее и чем активнее и больше они друг друга перестреляют или пересекают, тем будет лучше государству. И народу. А значит, и мне. Наверняка и тебе, Женька, тоже.

– Да-а-а... – лишь вздохнул Елисеев и с тоской посмотрел на своего кореша. – А я, в общем, к тебе именно по этому делу...

– Какому? Покойника защищать вроде нет необходимости. А второй...

– Вот именно, второй. Минаев, директор «Сибцветмета». Знаешь, что производит? Слитки и порошки платины, палладия, родия, иридия, рутения, осмия и до едреной матери всякой черни. Зовут Алексеем. Алексей Евдокимович. Не был, не имел, не привлекался и так далее. Честнейший мужик!

– А чего ж про наркоту говорили? – удивился Гордеев.

– Юра, сказать у нас сегодня можно про человека любую гадость. Обосрать его с ног до головы и при этом не бояться ответственности – это у нас нынче в порядке вещей. Ты что, сам не знаешь?

– Ну все-таки есть же границы... Опять же суд там, моральный ущерб, как говорится...

– Вот именно! Как говорится! – вспыхнул Елисеев. – Я журналист, газетчик. А кроме того, юрист по образованию. Так кто лучше меня знает, как это делается?

– Ну раз знаешь, тебе и флаг в руки. Марш-марш вперед, рабочий народ.

– Я ничего сделать не могу. А ты можешь.

– Что именно?

– Защитить человека, черт побери!

– Не шуми, – успокоил Гордеев. И добавил с улыбкой: – Да и знаешь ли ты, сколько это стоит – защитить человека, если кому-то надо, очень, как я чувствую, надо, чтобы он сидел? Вопрос в другом – навсегда или на какое-то время?

– Я знал, к кому идти, – теперь уже обрадованно вздохнул гость и взялся за бутылку. – Я ему так и сказал, что если что... И как в воду глядел!

Чему он в самом деле-то радовался?

– Погоди трепыхаться, – охладил его Юрий. – Я еще ничего не обещал, а тем более не говорил «да».

– Наплевать! Когда узнаешь, не устоишь, старик! А насчет гонораров или там еще чего, ты, пожалуйста, не волнуйся. Любая сумма, которую назовешь.

– Даже запредельная? – усмехнулся Гордеев.

– Ну, во-первых, ты не идиот, а во-вторых, никогда и в жлобах не числился. Так что дело в шляпе. Скажи, куда и когда подъехать и какую сумму внести. Ну, договор, само собой, чтоб тебе руки развязать... Что еще? А, давай тяпнем побыстрее, пока ты не передумал! Мы же, со своей стороны, полностью гарантируем тебе и карт, и бланш, и все, что душа потребует, включая...

– А ты не торопишься, старичок? – с иронией поинтересовался Гордеев.

– Старик, времени совсем нет, уроки надо учить!

И они расхохотались. Хотя ничего смешного в том, что просил Женька, не было, а сам Юрий интуитивно чувствовал, что, кажется, зря впутывается в совершенно ненужную ему историю...

Глава третья ЖУРНАЛИСТ

В бедах, обрушившихся на голову своего шефа и в немалой степени товарища, Евгений Елисеев виноватым считал себя. Но – в глубине, как говорится, души. Потому что каяться перед Гордеевым он не собирался, да этого, в общем, от него адвокат и не требовал.

А произошли все неприятности, закончившиеся для генерального директора одного из крупнейших в Сибири комбинатов Алексея Евдокимовича Минаева, ученого-экономиста, человека решительного и не любящего идти на компромиссы, водворением в следственный изолятор номер два, именуемый в просторечии Бутырками, видимо, по той простой причине, что кому-то сильно не захотелось, чтобы эта перспективная личность участвовала в губернской гонке.

– Ну что, скажи мне, – размахивая руками, объяснял Елисеев Гордееву, – могли бы с ним сделать в том же Белоярске? А ничего! Ты выйди на улицу и останови любого. Спроси, как он относится к Минаеву? Знаешь, что ответят? А то, что при нем комбинат на ноги снова встал. Как когда-то, при советской еще власти! Когда у всех и работа была, и заработки вполне приличные – даже для Сибири, когда работали ясли и детсады, когда лечили и посылали рабочих в профилактории и в сочинские с ялтинскими санатории бесплатно! Ну, почти бесплатно. Тот же тридцатник – не деньги... А потом все это пропало, все – коту под хвост! А Минаев начал постепенно, не сразу конечно, поднимать завод заново. Мало того что городскую администрацию практически содержит, он еще и на рынок стал выходить! Получил возможность дополнительный доход, помимо того, что государству отстегивает, на своих же рабочих тратить – на улучшение условий труда, на зарплату и так далее. Я знаю, я писал об этом...

– Ну, если он такой распрекрасный и прогрессивный, на фига ему, извини, наркотой баловаться? Ты ведь про это говорил?

– Юра! Какая, к черту, наркота? Да есть ли у него вообще время на кайф? Ты ведь не представляешь, что такое производство, подобное тому, которым командует Алексей!

– И век бы не знать, – буркнул Гордеев. – Но это все фигня, а ты-то откуда узнал, что ему инкриминируют найденную при нем наркоту?

– Да я ж своими глазами видел!

– Интересно, как это?

– Запросто! Как все у нас делается при очень большом желании, – прямо-таки окрысился Елисеев.

И то, что рассказал Евгений, поминутно перебивая сам себя – как видно, от естественного волнения, – показалось Юрию Петровичу чрезвычайно странным. И даже отчасти фантастическим. Впрочем, Женька личность была известная в свое время в смысле темперамента, похоже, он и на сегодняшний день не сильно изменился. А тогда, как говорят, все рассказанное им надо поделить на четыре, а из оставленной четверти убрать эмоции и только после этого поглядеть в остаток...

Минаев прилетел в Москву во вторник, то есть позавчера. Рано утром. Потому что у него должна была состояться приватная встреча с депутатом Госдумы Владимиром Яковлевичем Журавлевым. А договаривались они о встрече, разумеется, через Евгения Елисеева, который постоянно живет в Москве и является в некоторой степени доверенным лицом генерального директора «Сибцветмета» в столице. Иными словами, бегаёт по указанию Минаева по разным службам, инстанциям, встречается с нужными людьми, организует так называемое паблисити для своего шефа, который за эти услуги положил Евгению достаточно пристойную зарплату.

Да ведь организация и проталкивание материалов в газетах и на телевидении чего-то ж должны стоить!

Евгений загодя приехал в Домодедово, встретил шефа – тот не собирался долго задерживаться в столице, поэтому и апартаментов каких-то шикарных в пятизвездочных отелях себе не требовал, а готов был по-простому провести пару ночей у Евгения в квартире. Дуру свою, Евгений имел в виду Люську, с которой с переменным успехом жил уже третий год, но в ЗАГС идти вовсе не собирался из-за ее же склочного характера, он отправил к ее мамаше. Такое бывало и раньше, если шеф появлялся на день – на два. Она знала и не обижалась. Еще бы, деньги за проживание Алексей всегда оставлял на кухонном столе, и Люська считала их своим чистым доходом. Она же и простыни стирала, и завтраки готовила, и стелила на большем диване. Словом, никому это не мешало и никаких проблем не создавало.

Позавтракали они прямо в порту, в ресторане, а потом приехали к Евгению, где Минаев плотно уселся за телефон...

Далее Женька стал подробно рассказывать, где они обедали да что ели, и Гордееву показалось, что он нарочно тянет время, не зная, как перейти к главной теме.

А Елисеев опять вернулся к истории. Ибо, по его убеждению, история Белоярского «Сибцветмета» стоила того, чтобы о ней было подробно известно адвокату, взявшему на себя защиту директора этого комбината.

Гордеев в принципе не возражал бы, кабы речь шла о производственных проблемах и вокруг них и разгорался весь сыр-бор. Но отлавливать сибирского директора в Москве и сажать за распространение наркоты – это просто не лезло ни в какие ворота, если исходить из нормальной человеческой логики. Елисеев же на каждое возражение Юрия Петровича немедленно взвизывался и кричал, что эти мерзавцы пойдут «на что хошь», лишь бы убрать конкурента. Под «этими мерзавцами» журналист понимал городское руководство Белоярска и краевых представителей в Москве.

И опять нелогично. Если комбинат, как его назвал Евгений, являлся градообразующим, то есть давал работу и кормил большую часть населения, то какой же смысл у того же губернатора, у местных властей – в нынешние-то далеко не легкие времена! – губить, по сути, курицу, несущую им золотые яйца?

Юрий никогда не был знаком с губернатором Андреем Гусаковским, но из прессы, да хоть и того же телевидения, знал этого человека, бывшего военного, даже генерала. Знал, или, во всяком случае, слышал о его неподкупности, о его жестком характере и неумении ловчить, находясь среди высших государственных чиновников. Знал, что Гусаковского часто называли «неудобным губернатором» за его прямоту и нелестные суждения в адрес известных представителей президентской администрации. Все это было давно и хорошо известно самому широкому кругу лиц, так или иначе связанных с политикой. Гордеев же был вынужден с этой гнусной для него лично политикой сталкиваться всякий раз, когда к нему приходили клиенты с просьбами защитить их самих либо их родственников и близких, попавших под каток государственной машины. С бандитами – там было куда проще! Хотя и у них также хватало этой самой сволочной политики.

Видя неприязнь адвоката к тому, что он собрался изложить в самом полном объеме, Елисеев, словно бы сменив гнев на милость, сказал, что решил не занимать его слишком уж позднего времени и пообещал за это завтра же принести вырезки собственных газетных публикаций о комбинате и ситуации, сложившейся там до прихода Минаева, в корне эту ситуацию изменившего в лучшую сторону. Гордеев кивком обещал внимательно все проглядеть, чтобы составить общее впечатление.

Но расстановку основных сил в городе и на комбинате Женька все же взялся объяснить – хотя бы в виде схемы. Кто справа, кто слева, а кто посередке и к кому тянется.

Итак, сперва о генеральном директоре. Алексей Минаев – по всем показателям «варяг». Предыдущий гендиректор Юрий Кобзев не сумел, или не захотел, справиться с ситуацией на комбинате. А она была весьма непростой. Дело в том, что продукция комбината была всегда окружена плотной завесой тайны. Тот, кто думал, будто «Сибцветмет» – как можно предположить из названия производственного объединения – занимается изготовлением золотых цепей или перстней для «новых русских», сильно ошибается. Продукция комбината всегда шла на те сложнейшие производства, которые связаны с закрытыми, чаще всего научными, разработками. Тут тебе и ракетостроение, и радиотехника, и электроника, и вообще космос и так далее: перечислять – значит открывать госсекреты.

Девяностые годы, которые войдут в историю как годы становления демократии в России, историки, естественно, постараются представить и временем всеобщей приватизации, уходя при этом от главного вопроса: следовало ли проводить данную приватизацию столь скоропалительно, грубо и без оглядки? Ответ напрашивается сам. Конечно, надо было, но – по уму. А вот с последним вышло, как в старом одесском анекдоте насчет денег: или их уже есть, или нет!

При прежнем директоре Кобзеве до приватизации уникального производства, слава богу, дело не дошло. Но пользы предприятию не принесло тоже. Да что предприятия! Разваливались целые отрасли, где востребовались редкоземельные элементы, а тем, которые оставались на плаву, совсем не нужны были порошковый рутений или родий.

Нет нужды в продукции – нет и заказов. А нет заказов – нет зарплаты. Нет самого производства. Но зато, как всегда в подобных ситуациях, «имеют место быть проявления массового воровства», говоря дубовым языком протокола.

И вот на этом фоне гендиректор Кобзев решил покинуть комбинат, который ничего, кроме головной боли, лично ему не приносил, а на свое место предложил способного молодого человека из Москвы, который время от времени, по просьбе все того же Кобзева, проводил на комбинате некоторые экономические исследования. И с обреченностью постороннего человека без устали пытался доказать, что причина плохой работы в данном случае кроется не в неумелых или ленивых работниках, а в том, что рабочим никто не объяснил их задачи и не создал нормальных производственных условий. Но кому это надо было? Кто слушал глас вопиющего? А никто. Вот поэтому и предложил мудрый Кобзев на свое место своего же самого гневного критика.

Заняв руководящий пост, Минаев прежде всего занялся... приватизацией. Да, именно ею, но как? Он сделал дело таким образом, что пятьдесят один процент акций достался трудовому коллективу, причем практически за символическую плату. Остальные акции продавались на аукционах.

Экономист по образованию и по призванию, Минаев уже видел, какому напору извне в самое ближайшее время может подвергнуться предприятие, и постарался предусмотреть и этот вариант.

Минаевым и его другом, тоже грамотным экономистом, была создана дочерняя фирма при комбинате, которая занималась тем, что скупала акции комбината и выполняла роль посредника в реализации продукции «Сибцветмета». Таким образом, крупные пакеты акций, из-за которых могла бы начаться самая настоящая грызня, не уходили на сторону. Четверть процентов всех акций дочерней фирмы, именуемой «Рассвет», принадлежала предприятию, остальные акции – Минаеву с Игорем Журавлевым.

– Погоди, – перебил Елисеева Гордеев, – чтоб потом не возвращаться и не вспоминать фамилий... А этот Журавлев, он что?

– В самый корень! – обрадовался Елисеев. – Игорь является любимым племянником своего дядюшки, который, как ты правильно подумал, и есть наш замечательный депутат в Государственной думе – Владимир Яковлевич. И для встречи именно с ним и прибыл из Белоярска Алексей.

– Это все? – спросил подуставший от обилия слов адвокат и поморщился, глядя на часы, которые показывали третий час ночи. Или – утра, если бы дело происходило летом.

– Почти, – согласился Женька. – Но осталась очень важная мелочь. И без нее просто никак нельзя, ты уж извини.

– Извиняю, – безнадежно вздохнул Гордеев. – Валяй, но все-таки постарайся закончить свой монолог до рассвета.

– Я писал обо всем этом, понимаешь, Юра... И про то, какое именно воровство случалось прежде на «Сибцветмете», и кто им конкретно занимался. Да про что я только не писал! – воскликнул журналист с изрядной долей патетики.

– И про воровство писал? – удивился Гордеев. – Ей-богу?

– Да ладно, не лови на слове... – почти не смутился Женька. – Меня уже давно застрелили бы в подъезде собственного дома, если бы я только рот открыл. Про общую ситуацию – да, писал. И много! Мало кому там нравилось!

– А чего ж это губернатор Гусаковский, как человек требовательный и прямолинейный, допускал подобное воровство? Не пресекал с генеральской решительностью? Или у него самого рыльце в пушку?

– А это было и до него, при старом губернаторе, и позже.

– При том, которого, как я слышал по телевизору, замочили-таки в подъезде?

– При нем самом. А собственно акция состояла в том, что в обход государства умные банкиры реализовали за рубежом что-то около трехсот тонн порошкового палладия. Это примерно на три миллиарда долларов. Как ты считаешь, бывший директор с нынешним губернатором оказались в стороне? Сказать по секрету?

– Что, еще? Тебе уже мало рассказанного? – недовольно спросил постепенно доходящий до точки кипения адвокат.

– Да я не про них, я про себя.

– Что, и тебе отстегнули тоже? – сыронизировал Юрий.

– Ага, – усмехнулся Женька. – Как в той байке: дали, потом догнали и еще добавили. Я когда копнул то дело про три миллиарда (а Минаев обещал мне помочь, если сумею раскрутить), сразу натолкнулся на бетонную стену. Ездил ведь специально и к покойному нынче Валерию Петровичу Смирнову, и к Юрию Александровичу Кобзеву... И с Гусаковским пробовал беседовать. Но все они делали огромные глаза: откуда, мол, у вас эта бредятина? Разговоры так и не состоялись, но зато меня подкараулили недалеко от ихнего «Хилтона», где я проживал во время наездов в Белоярск. Минаев в таких случаях не скупился, был хорошо оплачивал. В общем, подкараулили и ласково предложили уматывать в Москву. А чтоб крепче запомнил – вот! – Женька потрогал свой затылок и наклонил голову к Гордееву: – Не бойся, пощупай, чуешь вмятину? Вот это они. Для памяти.

– И что же?

– А ничего. Отвалялся две недели в их клинике, а потом сразу подался в Москву. Минаев тогда сказал: «Ну и не надо, обойдемся без скандала». И меня к себе с тех пор без острой надобности не вызывает.

– М-да... – протянул Гордеев. – Нравы у вас, однако... Я уж и не уверен, что имею желание браться за ваши дела, ребята. Мне собственная жизнь, честно говоря, дорога... как память. Зачем искушать судьбу?

– Ага! – ухмыльнулся Женька, указывая на залепленную пластырем макушку Юрия. – А сегодня ты полез из каких соображений?

– Из соображений защиты личной собственности. Она мне тоже бесконечно дорога. Ну ладно, я бы пошел и поспал маленько...

– Ну еще пять минут, и я уеду, – заныл Елисеев.

– Куда ж ты поедешь в таком виде?

Все-таки полторы бутылки коньяка они оприходовали.

– Доберусь как-нибудь, – неуверенно заметил Женька.

– Есть другой вариант. Я сплю обычно здесь, но в той комнате имеется примерно такой же диван. Вот вались на него, а утром, кстати, надо будет подумать, как добраться до твоего приятеля. И вообще поехать посмотреть, как и где происходили события, чтобы иметь представление. Опять же узнать, кто следователь по его делу. Женька, ты зря думаешь, что у вас все получится просто, если, скажем, я возьмусь за дело. Пока твои рассказы ни в чем меня не убедили. Скорее, наоборот.

– Да ты чего, с ума, что ли, сошел? – возмутился Елисеев. – Алексей Минаев – честнейший человек!

– И тем не менее.

– Ну ладно, тогда я еще два слова буквально, и давай спать. Завтра действительно беготни... Короче, он прилетел, чтобы встретиться с нашим депутатом. А стал оным Владимир Яковлевич опять же с помощью Алексея. Вернее, это его Игорь сумел уговорить поддержать финансово своего дядьку. Мол, будет у нас в Москве вот такое лобби! – Женька показал большой палец.

– Сумма?

– Чего – сумма? – опешил Женька.

– В какую сумму обошлось предприятию это депутатство?

– Понимаешь, Юра...

– Отлично понимаю, – перебил Гордеев, – оттого и спрашиваю.

– Вообще-то... словом, чего темнить? Пятьсот.

– Я так понимаю, что счет шел в баксах?

– Вот именно, – вздохнул Елисеев. – Пятьсот тысяч...

– Хреновое ваше дело, – неожиданно изрек Гордеев.

– Почему?

– Ты сказал, что твой друг Алексей Минаев прилетел срочно в Москву для разговора с Журавлевым? А тот до сих пор, вероятно, не только не вернул долга, но еще и ничем не помог родному предприятию, так?

– Ну.

– И депутат, надо понимать, вовсе не желает лишаться своих денег. Ну, тех, которые уж давно стали его личными... А значит? Как бы поступил на его месте любой другой крупный прохиндей, а? Ну давай, журналист, напряги шарики!

– Но они же встретились. И говорили. Я сам видел. Просто по просьбе Алексея сидел в стороне. А потом Журавлев ушел, и тут...

– Ясно. Налетели ястребы – ОМОН, СОБР, «Альфа», «Витязь» и прочие спецподразделения всех мыслимых спецслужб, да?

– Ну, всех не всех, конечно, но омовцы были. Народ положили на пол, устроили общий шмон. Алексею – тоже. Потом у него нашли какие-то пакетики и всех нас немедленно пинками под зад выкинули наружу. А туда пригласили понятых. И через полчаса вывели Алексея уже в наручниках. Мы только и успели переглянуться, и я показал ему, чтоб не волновался. Он кивнул и сел в милицейскую машину. Вот, собственно, и все.

– А Журавлева уже, говоришь, не было? Кстати, как называется забегаловка, где была встреча?

– Скажешь тоже! – словно обиделся Женька. – И никакая не забегаловка, а вполне пристойное заведение. И название интригующее – «Камелот». Знаешь, что это такое?

– Что-то из времен короля Артура?

– Ага. Небольшой ресторан в форме замка. Десяток всего столиков, парочка кабинетов, вот и все. Народу много не бывает, а кухня хорошая. Это на Варшавке, на углу Балаклавского проспекта.

– А чего так далеко забрались?

– Ну, во-первых, я там рядом живу, на Черноморском бульваре. А во-вторых, депутату, по существу, тоже по дороге, он частенько отдыхает в «Архангельском», только не по Рублевке, а на юге, по Калужской, там бывший совминовский санаторий. Пансионат, всяческие прибабасы, развлечения, тренажеры и прочее. Вот на общей дорожке и сошлись. Только Алексей с депутатом – для спокойного разговора – устроились в небольшом кабинете, а я сидел в зале. Но – видел.

– Как же видел-то, если они были в кабинете?

– Так я ж говорю, Журавлев уже встал и ушел, а дверь была открыта, я хотел было перейти к Алексею, но не успел, как ворвались эти и всех положили мордами на пол. Неприятное ощущение, скажу тебе.

– Да уж чего хорошего...

На том долгая ночная беседа и завершилась. Они стали укладываться спать, чтобы с утра, как сказал Гордеев, быть со свежими головами и попытаться воочию восстановить картину происшествия. А затем уже двигать к следователю. Естественно, и в юрконсультацию заехать, чтобы оформить все по закону, а то ведь с адвокатом никто даже разговаривать не захочет, не то что документы показывать...

...Ресторан «Камелот» работал со второй половины дня, но внутри вовсю трудился обслуживающий персонал. Гордеев с Елисеевым подошли к служебному выходу и выяснили, что метрдотель, который трудился два дня назад, уже пришел на работу.

Он оказался немного дубоватым малым, но не вредным, а просто не желающим вешать на свое заведение какие-то ненужные проблемы. Гордеев убедил его, что проблем не будет, что он просто хочет восстановить для себя ту неприятную историю, которая случилась здесь два дня назад. И не более. Просто представить на месте, как все происходило.

Метр провел их в зал, где столы еще были не застланы, стулья были составлены на возвышении, где играет оркестр, – все вместе, а полы протирала влажной тряпкой миловидная женщина.

– Ну давай показывай, кто из вас где находился? – сказал Юрий Петрович.

Женька быстро взял один стул, приставил его к столу возле окна и сел. Показал на открытую дверь кабинета:

– А они сидели там. Когда дверь кто-нибудь открывал, я их прекрасно видел. Да сам взгляни отсюда... Потом Журавлев отвалил, вот сюда. – Для наглядности Елисеев проделал путь от кабинета к выходу, где была и вешалка с находящимся при ней гардеробщиком.

– Как быстро явился ОМОН? – спросил Юрий Петрович.

– Да в том-то и дело, что практически сразу, едва ушел Журавлев! Получается так, будто они его выпустили и тут же ринулись на посетителей.

– Я должен добавить, – почти церемонно заметил метрдотель, – что эти молодцы вели себя весьма вызывающе.

– В чем это выражалось? – обратился к нему Гордеев.

– Ну... если у правоохранительных органов имелись основания подозревать в торговле наркотиками кого-то из посетителей ресторана, то зачем же было оскорблять обслуживающий персонал? И довольно, скажу вам, грубо.

– Сочувствую. Весьма. – Гордеев развел руками. – Ну и кто где лежал?

Елисеев опустил на руки, показывая примерно свою позу, снова валяться на полу он, естественно, не желал.

– А обыскивали Алексея вон там, в кабинете.

– Кто-нибудь, кроме тебя, видел это?

– Не знаю, – почесал за ухом Женька. – Но понятых провели прямо туда. Мужик и пожилая тетка.

– Откуда их взяли?

– Наверное, пригласили с улицы. – Елисеев пожал плечами. – Как только их привели, нас всех, кто был здесь, выкинули на улицу. Про службу не знаю, не видел. Но народ был недоволен. Очень. Однако все постарались побыстрее умотать отсюда. Кому же охота выворачивать карманы перед каждым ментом? Да еще и виноватым себя чувствовать. Хамство, вообще говоря!

– Очень с вами согласен, – склонил голову с четким пробором метрдотель. – Надеюсь, на этом ваш эксперимент закончен? Мы можем продолжать работу?

– Да, спасибо, – кивнул Гордеев.

– Всегда к вашим услугам.

Метрдотель степенно удалился в служебное помещение. А Гордеев с Елисеевым вышли наружу.

Площадка перед входом была разметена от снега, приготовлена для вечерних посетителей.

Здесь Елисеев показал, где стоял он, когда выводили Минаева, где была милицмейская машина, куда его засунули. А потом стал рассказывать, как потратил вчера почти целый день, чтобы выяснить, куда увезли Алексея. Удалось, к сожалению, немного, и то настойчиво подключив к поиску самого депутата Журавлева. Тот, естественно, охал и ахал, возмущался, обещал выяснить через день-другой, но Женьке и тут пришлось проявить свою журналистскую наглость. Словом, удалось узнать, что шмон производили работники службы криминальной милиции Южного административного округа, а дело о наркотиках передано в окружную прокуратуру ЮАО. И находится оно у старшего следователя Черногорова. Вот, собственно, и все, что удалось замечательному народному избраннику. Он тут же заторопился, выдумав какое-то срочное заседание, и ушел от телефона. В дальнейшем помощники связывать с ним отказывались: очень сильно занят!

Если бы Гордеев полностью подчинился своей интуиции, он мог бы с ходу сейчас выдать готовую версию случившегося. Но он не хотел торопиться с выводами. Да к тому же был вовсе не прочь подъехать в Коломенский проезд, в прокуратуру Южного административного округа Москвы к следователю Черногорову. Совпадения конечно же бывают, но если у этого следователя инициалы Э и Н, то им было бы о чем поговорить и что вспомнить.

– Не в курсе, как зовут твоего следователя? – спросил у Женьки. – Не Эдуард, часом, Николаевич?

– Точно! – воскликнул тот, взглянув в свою записную книжку.

– Не знаю, – усмехнулся Юрий Петрович, – вполне может статься, что вам, ребята, маленько повезло. Но не будем предвосхищать событий.

– К Эдуарду Николаевичу, – сказал Гордеев охраннику на входе и предъявил свое адвокатское удостоверение. – Товарищ со мной, – кивнул он на Елисеева.

– Второй этаж, двести седьмая, – ответил серьезный молодой человек, возвращая удостоверение.

Гордеев вежливо постучал в указанную дверь, приоткрыл.

– Разрешите, Эдуард Николаевич?

Хозяин кабинета поднял голову, недовольно взглянул на просителя – а то кого же еще? – и хмуро кивнул.

– Здравствуй, Эдуард Николаевич, – с улыбкой произнес Юрий, подходя к столу следователя.

– Слушаю вас? – Хозяин поднял глаза от бумаг, и вдруг губы его растянулись в широкой улыбке. – Ка-акие люди! Вот не ожидал!

Он поднялся и протянул Гордееву сразу обе руки. Посмотрел на Елисеева, потом снова на Юрия.

– Он со мной, – сказал Гордеев. – Слушай, Эд, я, конечно, подозревал, когда услышал фамилию, что это именно ты, но ведь сколько времени прошло!

– А ты почти не изменился, – продолжал удивляться Черногоров. – Все адвокатствуешь? Суешь нашему брату толстые палки в хилые колеса?

– Каюсь, грешен. Но не так, чтоб уж и очень! *Ne quid nimis!* – как говорили древние римляне: ничего лишнего, ничего сверх. Да и потом, обидеть вашего брата – всегда выходит самому боком. Ну а ты как? Здоров?

– Слава богу... А вы – по делу? Или просто мимо шли? Во что, извини, сразу позволить не поверить...

– Во всяком случае, не мимо. Вот погляди, пожалуйста...

Гордеев достал из кармана бланк заключенного утром соглашения между адвокатом Гордеевым и представителем подозреваемого Минаева А. Е. гражданином Елисеевым Е. А., составленным по поручению Минаева.

Черногоров взял документ, внимательно прочитал, кивнул и возвратил его адвокату.

– Ну что ж, у каждого, как говорится, свои заботы... – И посмотрел на Евгения. – У вас действительно имеется такое поручение?

– Да, – подтвердил Елисеев, – в свое время Алексей Евдокимович выдал мне его официально. Я работаю на него.

– Простите... Евгений?..

– Алексеевич.

– Вы не обидитесь, если я попрошу вас подождать Юрия Петровича в коридоре? Я его не задержу. А ты, Юра, не возражаешь?

– Жень, сделай одолжение, – подмигнул Гордеев, понимая, что у Эда, вероятно, есть к нему нечто такое, о чем он не хотел бы высказываться при посторонних.

– Нет слов, – улыбнулся Женька, выходя из кабинета и тщательно прикрывая за собой дверь.

– Ты этого человека достаточно знаешь? – спросил следователь, кивая на дверь.

– Учились когда-то вместе. Вроде парень неплохой. А что, появились проблемы?

– Проблемы, Юра, могут возникнуть не у меня, их и без того выше крыши, а у тебя.

– В смысле?

– Юра, ты меня достаточно знаешь, чтобы не сомневаться в том, что я тебе уж во всяком случае зла не желаю?

– Вполне.

Гордеев не лукавил. За те несколько лет, когда он под руководством Турецкого работал в Генеральной прокуратуре, ему по ходу дел приходилось неоднократно пересекаться с молодым следователем Эдом Черногоровым. И всякий раз совместная работа в чем-то, да сближала их.

– Ну тогда я тебе вот что скажу... Нехорошее это дело. Это явно чей-то заказ, причем оттуда. – Черногоров махнул рукой над головой. – Но улики бесспорные. Дактилоскопия подтвердила. Хотя подозреваемый утверждает, что отродясь не имел дел с наркотиками. А с отпечатками его просто подставил майор, заставил взять в руки во время обыска. А он не знал, что берет. И вообще, скорее всего, это тот случай, когда обвинение не будет в обиду на победу защиты. Если тебе удастся. Вот все, что я тебе хотел сообщить как старому товарищу. Надеюсь, ты эту мою искренность не употребишь мне же во зло.

– Последнее ты мог бы и не говорить. Спасибо, Эд. А ты дашь мне разрешение встретиться с подзащитным?

– Вопросов нет.

– А посмотреть материалы?

– Ты хочешь прямо сейчас?

– Так их же наверняка раз-два – и обчелся?

– Примерно так. Можешь даже выписать все, что тебе надо.

Черногоров протянул Гордееву папку с материалами дела, и Юрий Петрович, достав блокнот, первым делом переписал туда фамилии и адреса понятых, присутствовавших при задержании гражданина Минаева А. Е.

Заодно отметил у себя и фамилию майора из службы криминальной милиции Южного административного округа, производившего задержание и обыск подозреваемого в хранении и распространении наркотиков гражданина Минаева, жителя города Белоярска. Этому Бовкуну Владиславу Егоровичу наверняка было в высшей степени наплевать, кем является задержанный им человек. Если Эд в данном случае прав – а врать или что-то придумывать специально для Гордеева ему вряд ли надо, – то Минаева, скорее всего, действительно заказали. Кто – вопрос другого порядка. Но явно человек, занимающий немалый государственный стул. Потому что подставка организована настолько профессионально, что даже такой опытный следователь, как Черногоров, похоже, разводит руками.

Посмотрев все, что ему требовалось и получив письменное разрешение следователя на официальное свидание с подзащитным, находящимся в Бутырьках, Гордеев был готов уже откланяться, но что-то еще останавливало. Возможно, их не такое уж и давнее общее прошлое.

– Встретиться да посидеть бы, как встарь, – сказал Юрий. – А то, в самом деле, бегаешь, бегаешь, а оно тебя из-за угла – хап! – и в Склиф...

– Давай вот закончим с этой... – оторвался от своих бумаг Черногоров.

– Трехмудией? – подсказал Гордеев.

– Вот-вот, с ней самой, да и посидим, а? – улыбнулся Эд.

– Забито! – Юрий, как встарь, хлопнул следователя ладонью по выставленной им ладони и бодро кивнул, прощаясь. – За сказанное тобой не беспокойся, – счел необходимым добавить уже от двери.

Ну, конечно, это, честно говоря, просто повезло неизвестному пока Гордееву подзащитному, что у его новоявленного адвоката приличные отношения со следователем. Другой бы уперся рогами, особенно если ему известно наперед мнение начальства и выданы соответствующие директивы, и иди доказывай кому хочешь, что творится милицейский беспредел, а твой подзащитный – игрушка в чьих-то явно нечистых руках. Ну и что, чего добьешься? А тут следователь сам ясно дал понять старому товарищу, что не может он прекратить это дело, однако вовсе не будет обижен или сильно раздосадован, если адвокат победит в состязании. У всякой игры есть свои правила, но и в этих правилах имеются такие тонкости и нюансы, разгадать которые не всякому и суду под силу.

Евгений Елисеев нетерпеливо мерил нервными шагами узкий коридор прокуратуры. Его определенно очень озаботила странная ситуация, возникшая в кабинете следователя. Показалось, что между следователем и адвокатом готов был возникнуть какой-то тайный сговор. Но вот в чью пользу?

Был ли он полностью уверен в честности Гордеева? А как сказать! Они что, жили все эти годы бок о бок? Дружба у них – не разлей вода? Пуд соли съели? Да ничего подобного и близко не было. Но Евгений, который по причине своего юридического образования и второй журналистской профессии владел информацией, слышал, конечно, о выигранных Гордеевым процессах. А в наше неопределенное время выиграть что-либо у сильных мира сего, а тем

более у государства, далеко не просто. И еще, уже в силу собственной натуры, Евгений полагал, что он может запросто, по старой памяти, подойти к адвокату, бесцеремонно хлопнуть его по плечу и называть Юркой. И это был главный и, возможно, единственный плюс. А все остальное пока находилось в минусах. И если чего и побаивался Елисеев, так это ошибиться, впасть в преждевременную эйфорию. И вежливое выпроваживание его из следовательского кабинета указывало определенно на это. Вот он и не находил себе места.

– Чего мечешься? – спокойно спросил Гордеев.

– Нервы, наверное... – попытался объяснить свое состояние Женька.

– Ты хочешь меня и дальше сопровождать?

Елисеев замялся и вдруг выпалил:

– Так все равно мне делать нечего! Шеф – за решеткой, а что я без него?

– Что? – с иронией поинтересовался Юрий Петрович. – Совсем уж и ничего? Вроде пустого места?

– Ну зачем? – обиделся Женька. – Шеф дает совершенно конкретные указания, я стараюсь, чтоб все было тип-топ, стороны довольны, гонорар капает. Обычная жизнь, старик.

– Да... завидую. А теперь скажи, друг-москвич, тебе известно, где находится улица Кошкина?

– Понятия не имею.

– Но ведь это в твоём округе.

– Спросить можно... Карту посмотреть. А что там у тебя?

– Не у меня, а у тебя. Там проживают понятия, присутствовавшие при обыске твоего шефа. Пожилые люди. – Гордеев заглянул в блокнот. – Вяхирева Зинаида Васильевна и... – он перелистнул страничку, – Семенов Михаил Григорьевич. Посмотреть на них хочу. И поговорить, если удастся.

– Понял, – с готовностью откликнулся Елисеев, – сей момент организуем! Там, внизу, у дежурного, я видел большую карту Москвы. Давай грей пока машину, а я мигом все выясню.

Глава четвертая ГЕНЕРАЛ И ГУБЕРНАТОР

По аэродрому мела ледяная, колющая поземка. Мощные снежные вихри поднимались и от турбин тяжелых самолетов, подруливающих к терминалу.

Лидия Михайловна сидела в салоне так называемой эксклюзивной модели отечественной «Волги» с увеличенным кузовом. Почти «мерседес», с которого, говорят, когда-то слямзили российские автомобилестроители форму «двадцать четвертой». А может, все это – антипатриотичные досужие вымыслы... Во всяком случае, машина, в которой сидела Лидия в ожидании важного пассажира, – он прилетел из Москвы только что, и его рейсовый самолет в данный момент подруливал к зданию аэровокзала – чувствовала себя вполне комфортно. Да и самому хозяину, губернатору Гусаковскому, нравилась эта машина, – ему-то, возможно, как раз из чисто патриотических чувств.

Андрей Ильич никогда не переставал подчеркивать, что он истинно русский человек, простой, как Чапаев, и предусмотрительно мудрый, как его духовный идеал – Суворов. Лидия однажды, в шутку, подсказала ему, что вообще-то Чапаева называть истинно русским никак не выйдет, российские малые народности тоже вправе иметь своих героев. Гусаковский хитро посмотрел ей в глаза, хмыкнул и больше Чапаева не поминал, разве что в узком кругу и со ссылкой на «малые народности» – тоже русские по своему духу.

Наконец турбины смолкли, и от аэровокзала покатил к прибывшему «борту» автотрап.

Лидия приподнялась с сиденья, дотянулась до плеча водителя и тронула его:

– Давай, Миша, прямо к трапу.

«Волга» шустро подрулила по расчищенному бетону к самым ступенькам, когда первые пассажиры показались из открытого люка.

Первым спускался невысокий, широкоплечий милицейский генерал-лейтенант в элегантной зимней форме. За ним, отставая ровно на один шаг, сбегал по трапу милицейский полковник с небольшим чемоданчиком в руке и сумкой через плечо.

Лидия поспешно выбралась из салона и шагнула к трапу, гостеприимно раскрыв руки перед гостями. Генерал бодро ступил на землю, правой рукой, как само собой разумеющееся, по-свойски обнял женщину, прижал к себе, походя чмокнул куда-то между губами и ухом и, не отпуская ее от себя, обернулся к полковнику:

– Давай прыгай вперед!

А сам, подтолкнув впереди себя Лидию, полез за ней на заднее сиденье. «Волга» тут же, рывком, заложив с места лихой вираж, помчалась к воротам аэропорта – только снежная пыль взвилась красивым вихрем, заставив других пассажиров заслониться руками от вызывающего лихачества. Но – кому-то ведь можно! Значит, большая шишка прилетела из Москвы.

А «шишка», расстегнув и форменное пальто, и генеральский свой мундир, развалился на заднем сиденье и, откинув голову, без стеснения рассматривал Лидию. Потом жестом ладони показал ей, чтоб она подняла стекло, отделяющее заднюю часть салона, – тоже полезное новшество, заказанное губернатором. Прочное стекло поднялось с легким гудением.

– Ну как, – придав голосу легкую игривость, спросил генерал, – не обижает он тебя? А то скажи... – почти мурлыкнул генерал и положил широкую и пухлую ладонь на круглое колено женщины. Слегка сжал, сдвинул по упругой ноге повыше, шлепнул пару раз и отпустил.

– Ох, – хмыкнула Лидия, – все такой же! И что ж вы все, мужики...

– Ну и куда вы меня? – перевел разговор на новые рельсы генерал. – В отель или сразу к твоему?

– В «домик» приказано, – многозначительно подняла палец Лидия. – Сам будет встречать на месте. У него, – она поглядела на ручные часики, – через десять минут закончится ответственная встреча. Поэтому сам встретить не смог, ты уж его извини.

– А что же это такое важное?

– С комбината одолели... – неохотно ответила она. – Там целая делегация. Кто-то крепко настраивает народ, а нам совсем не нужно, чтобы из Москвы сюда прикатила какая-нибудь очередная комиссия. Их и так уже хватает! Вот он и пробует снизить накал.

– Ха! Ну надо же! – как-то по-бабьи всплеснул руками генерал. – Так, может, и не стоило нам тогда весь этот огород городить? А быстро у вас слухи-то распространяются! Гляди-ка, и двух дней не прошло!

– Да какие там два дня! – брезгливо скривила губы Лидия. – О каких днях вообще речь? В тот же вечер уже кто-то из Москвы позвонил на завод. Впрочем, мне, кажется, даже известно, кто это мог быть. И – началось! С утра чуть ли не забастовка! Ходоки в администрацию. Андрей и сам еще толком не знал, что отвечать. Я ж когда получила от тебя информацию? Только днем. Нет, мы знали, конечно, но не владели ситуацией свободно. Вот и удалось пока отложить – до окончательного выяснения. Кстати, Иван, а вы там не слишком начудили? Слухи-то какой-то фантастикой отдают.

– А, – морщась, отмахнулся генерал. – Между прочим, я, пока летел сюда, все одну мысль обкатывал – и так, и этак. Прелюбопытная штучка может получиться... Ну, обсудим. А с другой стороны, что это вы вроде как стали пугливыми? И вообще, может, не надо было затевать кутерьму? Давайте исправим! Мне ведь – раз-два, и гуляй, Вася! Ошибка, мол, вышла, еще и извинимся... Вот что я тебе скажу, девочка. – Генерал наклонился к Лидии совсем близко и с удовольствием потянул носом, даже крикнул: – Хорошие духи, умница... Вы тут с ним, скажу вам откровенно, сами не знаете, чего хотите, понятно? А я там, в Москве, все время за вас думать не могу, у меня есть и другие еще дела, государственные.

Он снова откинулся на спинку, стал смотреть за окно на ровный снежный пейзаж, ограниченный сплошным темным лесом. Дорога вела не в город, а, наоборот, в сторону от него, к так называемому «домику» – бывшему обкомовскому особняку, в котором во все времена останавливались и продолжают останавливаться исключительно высокие гости первого в крае лица – прежде секретаря обкома КПСС, а ныне губернатора. В этом домике были абсолютно все столичные удобства, включая и сауну, и озерцо с прорубью для «моржей», и спутниковую связь с любой нужной точкой на карте мира, и спецбуфет, и спецобслужу – на любой вкус. Иван Иванович Толубеев, заместитель начальника Главного управления по борьбе с оргпреступностью, это прекрасно знал. Знала и Лидия Михайловна, ибо именно ей чаще всего предоставлялась честь (или обязанность) познавать в деталях вкусы высокопоставленных гостей губернатора. И, надо отметить, справлялась она со своим делом в высшей степени успешно. О чем было хорошо известно достаточно широкому кругу лиц. Но они, эти самые лица, не злоупотребляли своим знанием, ибо искренно ценили оказываемые им услуги. Да и Лидия всегда держалась с таким достоинством, что разве ненормальный или сексуальный маньяк мог бы подумать, будто ее высокое умение и является ее основной профессией. Ничего подобного! Все они были люди взрослые, и у каждого, естественно, имелись некоторые человеческие слабости, потворство которым вовсе не надо называть грехом. Но уж если, в конце концов, это и грех, то такой восхитительный, что любую его критику можно назвать самым откровенным ханжеством, и ничем иным...

Наконец впереди показалась высокая кирпичная ограда с крашенными зеленью железными воротами. Не хватало лишь красной металлической звезды, характерной для воинской части. Ну, что касается солдат, то таковых здесь не имелось, однако охрана была как в той же войсковой части. На сигнал «Волги» из калитки вышел охранник в полушубке и с автоматом, наклонился к стеклу водителя, кивнул, перешел к салону, тоже заглянул и, увидев генераль-

ский погон, выпрямился и отдал честь. И сейчас же створки ворот покатались в обе стороны. Машина въехала на широкую расчищенную от снега дорогу, ведущую в глубину лесного массива.

Ехали еще несколько минут, потом сделали широкий вираж и остановились у большого стеклянного подъезда со ступеньками полукругом. На верхней кутался в накиннутый на плечи белый армейский полушубок губернатор Гусаковский.

Водитель Миша выскочил из-за руля, обежал машину и открыл дверцу со стороны генерала. Толубеев, чуть согнувшись, выбрался на хрустящий под ногами снег, оставшийся между проплешинами чистого бетона. А вот вышедший из «Волги» полковник, пока генерал и губернатор приветливо хлопали друг друга по плечам, предупредительно протянул руку в салон, помогая Лидии выбраться наружу. Наградой ему был ее красноречивый, хотя и мимолетный взгляд. И еще он не мог не обратить внимания на ее оголившуюся, прямо-таки убийственно сексуальную ногу, когда она ступила на землю. Бедняга полковник даже слегка покраснел.

«А он симпатяга», – мельком подумала Лидия и еще раз, искоса, кинула на него взгляд.

– Благодарю, – мягко добавила она, – можете отпустить мою руку.

И, покачиваясь, словно опытная манекенщица, стала красиво подниматься по ступеням в дом.

Непростые отношения связывали губернатора и генерала милиции. Хотя и возникли они, в общем, уже достаточно давно. В одном из уральских гарнизонов, где начал свою успешную, правда, и длительную дорогу к генеральским погонам Андрей Гусаковский, точно так же началась милицмейская биография Ивана Толубеева. И это своеобразное землячество скоро свело их, как теперь видно, на всю жизнь. Почему «своеобразное»? Да потому, что один был родом с Дальнего Востока, из Приморья, а второй – из Белоруссии. Вон какие концы! А сошлись посередке, на Урале. Менял место службы Гусаковский, повышал свою квалификацию и Толубеев – академия, Москва, наконец, Министерство внутренних дел.

Неугомонный Андрей Ильич однажды решительно завязал с армейской карьерой, ибо не видел впереди для себя достойной перспективы, в то время как она явно открывалась в службе гражданской. И, став губернатором в одном из крупнейших сибирских городов – Белоярске, первым делом вспомнил об Иване, который достиг уже немалых высот на своем поприще в столице. Его помощь и толковые советы помогли навести необходимый губернатору порядок в правоохранительных структурах сибирского края. Как и в добрые старые времена, их взгляды, а особенно интересы практически совпадали полностью. Как же при этом не стараться помочь друг другу? Они и помогали, не считая при этом зазорным для себя предусмотрительно думать о том времени, когда им обоим придется оставить государеву службу и превратиться в обычных ветеранов. Ну, может, не совсем обычных, однако нюансы тут большой роли не играют все равно. И тогда ведь никто не придет к тебе с поклоном и не предложит стать каким-нибудь там соучредителем или консультантом по эксклюзивным проблемам. И гонораров, соответственно, не жди. Значит, приходится обо всем загодя думать. И самому. Но лучше, естественно, когда у тебя рядом человек, которому ты вполне доверяешь. Включая собственную любовницу. А что? Даже и так. И трагедии или просто неудобства в этом нет, как нет и неких угрызений, что ли, а есть исключительно голый прагматизм. Есть нужда. Необходимость. Дело, которое иной раз таким боком повернется, что и сам с ходу не решишь, чем придется пожертвовать...

Торжественный завтрак – почти по протоколу – был устроен в большой гостиной.

Генерал не хотел обижать своего braveго порученца, которому случалось выполнять порой и некие скользкие поручения шефа. А доверительность предусматривает и определенный такт во взаимоотношениях с подчиненным. Поэтому за столом сидели вчетвером.

Генерал и губернатор, как случается, когда люди слегка расслабляются, если какое-то время не виделись, вспоминали что-то из прежних своих походов. Смешные случаи, анекдотические ситуации, которых хватало и в армейской, и в милицмейской жизни. Им было весело.

Лидия внешне старалась подчеркивать свой интерес, хотя все эти молодецкие воспоминания ей давно уже осточертели. Одно и то же – по девкам бегали, втыки от начальства получали. Жеребятина все это, хорохорятся друг перед другом, а ведь об их способностях вообще и в частности Лидия знала получше их собственных жен. Которых, они, естественно, никуда с собой не берут, ибо понимают, что с провинциальными клушами настоящей городской каши не сварить.

– Ну что, надо бы вернуться к делам? – неожиданно спросил генерал. – Я вообще-то в твои края ненадолго. Можно сказать, туда – сюда, и труба зовет. Поговорим?

– Пойдем, Иван Иванович, – церемонно заметил губернатор. И, посмотрев на Лидию и полковника, добавил: – А вы пока тут заканчивайте, мы вас не торопим. Ну а будет нужда, позвем.

Они поднялись, бросили на стол скомканные салфетки и удалились в кабинет.

Лидия с полковником переглянулись и улыбнулись. Даже и дураку понятно, что начальникам надо было поговорить с глазу на глаз. Есть вещи, о которых и самые доверенные лица должны получать строго дозированную информацию. Тот самый случай.

– Здесь у вас разрешено курить? – спросил полковник.

– Здесь можно все! – двусмысленно заметила Лидия и потянулась к соседнему стулу за своей сумочкой, в которой лежали сигареты и зажигалка.

– Позвольте угостить моими. – Полковник протянул ей открытую пачку разноцветных сигарет «Собрание».

– Вы курите такие? – изумилась Лидия.

– Терпеть их не могу, – засмеялся полковник. – Это специально для вас. Как-то Иван Иванович сказал, что вы их любите. А я вспомнил уже перед отлетом и успел взять в буфете аэропорта несколько пачек. Презентую.

– Боже, но они же очень дорогие!

– Не дороже любого женского расположения, – смело заявил полковник. – И еще раз простите, я так и не представился вам. Сергей Юрьевич, можно просто Сережа. Так мне будет еще приятнее.

– Вас устроили здесь, с шефом? Или лично у вас какие-то иные планы?

Он неопределенно пожал плечами:

– Пути начальства неисповедимы. Пока мне приказано оставить чемодан шефа в той спальне, – он указал рукой направо, – а свою сумку бросить в комнате на втором этаже. Что и было исполнено. – Он улыбнулся.

«Хорошая у него улыбка, – подумала Лидия, – и одеколон тоже хороший...»

«Мировая баба, – в свою очередь подумал полковник. – И что она нашла в этих старперах? Хотя... хочешь жить, умей вертеться. А что вертеться ей приходится постоянно, нет сомнений, вон и едва заметные лучики-морщинки у глаз. Никаким макияжем не спасешься. Но выглядит просто отлично... А ноги!...»

Лидия поднялась, оправила обтягивающую бедра юбку и сказала:

– Хочу посмотреть, как вас устроили...

Она шла впереди и, поднимаясь на второй этаж, физически ощущала на себе давление взгляда полковника. Но обернулась лишь возле двери его комнаты. Она отлично знала расположение всех помещений в этом доме.

– Здесь?

– Да, – чуть осипшим голосом сказал он и толкнул дверь, – прошу.

Она вошла, он – за ней. Она резко обернулась, и они оказались лицом к лицу, почти вплотную. Он кинул ладони ей на лопатки, сильно сжал, притянул к себе, она охнула и закрыла глаза.

– Сумасшедший... – Долгий, тягучий выдох.

Он мягко опускал ее спиной на кровать, одновременно сбрасывая свой китель и хватая ее за ягодицы. Ее освобожденные ноги резко вскинулись над его плечами, и Лидия, изо всех сил сдерживая себя, тем не менее протяжно застонала, судорожно вцепляясь сильными пальцами в его кудрявые черные волосы, в затылок, в щеки...

– Мы и в самом деле ненормальные, – тяжело дыша, прошептал он, поднимаясь и помогая подняться ей.

– Почему? – К ней словно вернулось чувство юмора.

– Ни дверь не закрыли, ни...

– А здесь лишних не бывает, – спокойно ответила она, поправляя перед зеркалом свою прическу, – так что твои переживания, мой симпатичный рыцарь, излишни. А я просто хотела убедиться, что тебя в этом замке никто не обидел.

– И убедилась? – с двусмысленной ухмылкой спросил он, поднимая с ковра на полу свой китель.

– Ну... как сказать? Скорее убедилась, что тебя обидеть трудно. И потому, возможно, мы еще вернемся к обсуждению данного вопроса. Не возражаешь?

Вместо ответа он снова прижал ее к себе и стал истошно целовать щеки, подбородок, шею. Она гибкими и страстными движениями тела показала, что готова снова отдаться ему... готова, но не сейчас, и мягко отстранилась.

– Спокойно... мы же и в самом деле не одни в этом доме. Я думаю, нам пора спуститься в столовую. Не волнуйся, мы еще успеем.

Теперь и она подняла с пола свою сумочку, которую уронила, едва войдя в комнату. Достала из нее платочек и тюбик с помадой. Перед зеркалом поправила макияж и вызывающей походкой манекенщицы пошла к двери.

Каблучки процокали по лестнице. С лица Лидии не сходило выражение легкой иронии и некоторого отчуждения. Официанту, убравшему стол, кинувшему на даму мимолетный взгляд, вероятно, и в голову бы не пришло, что именно она только что отчаянно извивалась, проглатывая собственный стон, под стремительным напором этого статного милицейского полковника. Ничего подобного! Такая дама ничего такого позволить себе просто не может, это – ниже ее достоинства...

Полковник же проследил за метаморфозой женщины, вовсе и не собираясь выдавать своего истинного отношения к провинциальным «королевам» вообще и к этой в частности – хотя, если быть справедливым, определенная перчинка в ней, конечно, была. Он решил, что на первый случай, кажется, действительно достаточно, а то у нее вдруг какие-нибудь мысли появятся. А ему это нужно? Эвон какая к ней очередь уже выстроилась! Но все-таки приятно иной раз ловко натянуть нос шефу...

Лидия же, искоса наблюдая за самодовольным полковником, думала, что все они – кобели – одинаковые. Поди, победу торжествует! Нет, милоч, за победой ты еще хорошо погоняешься!

Несмотря на более чем доверительные отношения Лидии с Гусаковским, а по старой памяти – и с Толубеевым, она, в силу обостренной своей женской интуиции, не могла не видеть, что оба они не до конца с нею искренни. Ну да, их связывает прошлое, а она для них вроде приятного подарка. Приезжает в Белоярск Иван – и вот уже она с ним, в гостинице ли, в этом ли домике, в собственной квартире. И Андрей вовсе не ревнует ее к старому товарищу. Как и тот – к Гусаковскому, которому сам и порекомендовал ее в свое время как умную и красивую девушку, обладающую несметными талантами.

Но не роль своеобразной эстафетной палочки иной раз тяготила Лидию. Она была посвящена во многие секретные детали и тонкости губернаторских и милицейских игр. Но когда дело касалось главного, с ее точки зрения, то есть огромных – даже по российским масштабам – денег, тут ее вежливо отодвигали в сторону. Или когда речь шла о большой политике – не местного, разумеется, масштаба, с этой-то политикой она и сама прекрасно справлялась.

Они и сейчас удалились в рабочий кабинет конечно же не для обсуждения ее – Лидии – прелестей, да и прилетел срочно Иван в Белоярск, может, и не по своей воле. Поди, министр прислал – не каждый ведь день убивают претендентов на губернаторское кресло! Опять же, как стало известно, арестовали в Москве и второго претендента. Правда, по совершенно смешотворной причине – за хранение наркотиков! Ну это и в самом деле только туполобые москвичи могли такое придумать.

Лидия, едва услышала это от Андрея Ильича, искренне изумилась бездарности действий милиции. Оно, конечно, понятно. Кто Минаев для Москвы? Да никто, директор чего-то там, из глухой Сибири. И в этом случае любая лапша проходит. А для Белоярска? Да это примерно то же самое, что задержать самого губернатора, который, по чьему-то идиотскому убеждению, мог накуриться анаши. Бред! И она постаралась вбить-таки эту мысль в башку губернатора, который поначалу даже обрадовался происшедшему, а потом и сам задумался над главным тезисом Лидии, верной своей помощницы: «Да кто ж вам из наших сибиряков поверит-то?»

И в самом деле, по ее убеждению, получалось так, что Минаева не только не унизили, убрали с дороги, а, наоборот, орденом наградили! Вот они теперь наверняка и обсуждают эту тему с глазу на глаз.

А ее не позвали. Ага, сами хотят быть умными! Полковника, кстати, не взяли тоже. А может, зная ее характер и особые способности, нарочно подкинули ей его? Мол, сперва с глаз долой, а после и из сердца вон? Нет, не могли, она слишком много знает...

Последнее успокоило, а то она разволновалась вдруг. И еще полковник этот... Сережа... за преданным взглядом которого нет-нет да и мелькает сытенькая такая ухмылочка...

«Ох, девка, усложняешь ты чего-то...» – подумала Лидия и пошла к телефону – звонить, чтобы выяснить, что в данный исторический момент происходит на комбинате «Сибцветмет», какова реакция на утренний диалог с губернатором и чего снова требуют комбинатские смутьяны. Сейчас главное – владеть ситуацией. А для этого нужна самая точная информация, которую, в свою очередь, мог предоставить только один человек. Это был самый близкий товарищ и единомышленник Алексея Минаева, коммерческий директор «Сибцветмета» Игорь Платонович Журавлев. Тот самый, чей родной дядька вершил великие дела в Государственной думе, в столице. И скажи сейчас кто об этом тому же Алексею Евдокимовичу, загорающему на нарах в московских Бутырках, тот бы не только не поверил ни единому слову, но обозвал бы доносчика злобным клеветником! И был бы, в свою очередь, очень неправ, поскольку операция с полумиллионом долларов, отданных предприятием в долг кандидату в депутаты Госдумы Владимиру Яковлевичу Журавлеву – тот самый долг, который дядя Игоря так и не вернул и, судя по всему, возвращать даже и не собирался, – так вот эта операция родилась в головах Лидии и Игоря, родилась в тот день, когда они обсуждали в уютной квартире доверенной помощницы губернатора перспективы перемены власти на «Сибцветмете». И места Алексею Минаеву в этом раскладе не было. Зато сама идея была тогда активно поддержана Гусаковским. Он-то давно положил глаз на этот золотой слиток, на «Сибцветмет».

Обостренное чутье и владение ситуацией не обманули Лидию Михайловну. Разговор между генералом и губернатором шел именно об этом. О Минаеве, разумеется.

Накачанный Лидией Андрей Ильич не считал нужным скрывать за дипломатическими оборотами своего истинного отношения к мероприятию с директором комбината.

– Вы там у себя, в столице, нюх, что ли, совсем потеряли? – горячился Гусаковский. – Иван, ну ты сам пойми... – И он слово в слово цитировал выражения Лидии.

Будучи опытным оперативником, профессионалом, каковым и считал себя всегда Иван Иванович, он, разумеется, понимал, что люди, которым он поручил операцию, поступили не по уму. Может, дело бы и выгорело, кабы личность оказалась другая, – ну, хоть тот же приятель Минаева, журналист Елисеев. С такими все проще. Но и сдавать свои позиции генерал тоже с ходу не собирался. И пока губернатор, все больше распаляясь, убеждал его, что сделали крупную тактическую ошибку, Толубеев, наоборот, успокаиваясь, продолжал настаивать, что ничего страшного не произошло.

– Ты не горячись, – хмурился тем не менее генерал, – ну бывает и у нас... ничего не поделаешь! Идеальных исполнителей становится все меньше. Чуть где сунется с собственной инициативой, глядишь, и прокол. Но все это не страшно. У тебя какая цель была? Какую задачу ты ставил, вспомни? Тебе необходимо было выиграть время? Вот оно у тебя и есть. А директора твоего, раз уж вы тут не могли обойтись без лишнего шума, мы подержим да и выпустим в конце концов. Еще и извинимся, кое у кого это хорошо получается. Ты гляди, Андрей, тут в другом главное! Человек сидел? Так точно. По ошибке, говоришь? А кто ж тебе поверит? Ах извинились? Но это же еще проверять, братец, надо! А кто этим будет заниматься? Никто...

– В том-то и дело, что никого у нас не волнуют частности! Надо в корень глядеть! Убрали! Почему? А-а, вот оно в чем!.. И пошла-покатилась волна... дерьма.

– Черт вас дери! – в сердцах воскликнул генерал. – То вам не так, это...

– Сам же понимаешь: без ума сделано! Вы там, Иван, не в обиду будет тебе сказано, похоже, привыкли со всякой швалью дела иметь. Вот ей действительно – или наркоты, или патрона в кармане вполне достаточно. А здесь – политика! И я тебе предупреждал! Ты знаешь, что мне нынче эти ходочки с предприятия заявили? Прямо в лицо! Мы, говорят, петицию от всего нашего предприятия в Москву отправляем! В защиту Минаева! И эту провокацию тем, кто ее придумал и, соответственно, осуществил, с рук не спустим! Вот так! В открытую! И я почти уверен, что если вопрос встанет именно в такой плоскости, к кому, думаешь, у вас наверху в первую очередь прислушаются? К нам с тобой? Как бы не так! К народу! Это сейчас для всех – и Кремля, и правительства, и прокуратуры – важнее всего! И я не исключаю, что мгновенно вспомнится и Валерка-покойник, и много чего другого. Во когда дерьмо-то хлынет!

– Слушай, Андрюша, – сменил тему генерал, – а как там наша с тобой подружка? И полковник мой?.. Уж не натягивают ли они нам с тобой носы, а? – И Толубеев оглушительно расхохотался.

Улыбнулся и Гусаковский.

– Не бойся, – успокоил он, – я их специально не звал поначалу, хотел с тобой с глазу на глаз. Сокровенное, как говорится, высказать... обменяться.

– Да я ж вон как понимаю твои заботы! Иначе с чего бы я примчался-то?

– Ну, мне мог бы этого и не говорить. Первый год, что ли, знакомы? А насчет подружки... Давай кликнем, у нее, по-моему, тоже кой-какие соображения имелись по данному вопросу. А что ты говорил по поводу своего полковника? Он как?

– Мой человек.

– Ну-ну... – Губернатор поднялся из кресла, подошел к двери, открыл ее и сказал: – Лидия Михайловна, вы все на телефоне висите? Ну валяйте, как закончите, заходите. И вы, Сергей Юрьевич, тоже. – Вернулся к своему креслу, сел, хмыкнул чему-то своему и покачал головой.

– Ты чего? – спросил Толубеев.

– Не, не заметно...

– Чего?

– Не заметно, чтоб носы нам натягивали! – вставил шпильку товарищу губернатор. – Рожи больно серьезные! – И сам захохотал.

– А ну тебя! – тоже со смехом отмахнулся генерал. – Я же в шутку!

Вид у вошедших помощников был вполне деловой. Серьезный, во всяком случае. Сели сбоку, на диване. Лидия тут же достала сигареты, взглядом спросила разрешения у своего хозяина. Тот махнул ладонью: валяй, мол, дыми. Сам он не курил, но и дым ему не мешал. Полковник предупредительно чиркнул зажигалкой, и Лидия изящно закурила «Собрание».

– Ну что у тебя там? – нетерпеливо спросил губернатор.

Она поняла суть вопроса.

– Там – по-прежнему. Шум и гам, готовят, как я поняла, гонца. Этот журналист, который все вьется вокруг Минаева, отыскал Алексею какого-то своего приятеля-адвоката. Они уже успели побывать в прокуратуре и в Бутырках. Быстро сработали, скажу вам, господа. И пооперативнее некоторых наших.

– А что за адвокат? – спросил генерал. – Фамилия есть?

– Имеется у него фамилия, – с почти незаметной иронией ответила Лидия. Она достала из сумочки небольшой блокнот и пререлистнула несколько страничек. – Вот, Гордеев Юрий Петрович. Юридическая консультация номер десять. Сказали, где-то в районе Таганки. И еще новость. Оказывается, у этого журналиста имеется на руках доверенность Минаева: в случае непредвиденных обстоятельств организовывать юридическую защиту. Во как! Словно заранее все знал и предусмотрел. Так что защита на вполне законных основаниях.

– Ну, кто он и что, это мы легко узнаем, – заметил генерал. – Черкни себе, Сережа! Потом доложишь.

– Вот видишь теперь, Иван Иванович, – продолжил прежний разговор Гусаковский, – все, как говорится, один к одному. И адвокат на стреме!.. Ну так какие мысли, Лидия? – Он уже требовательно посмотрел на свою помощницу.

Та закурила сигарету, оглянувшись. И опять проявил предусмотрительность полковник: поднялся, взял со стола пепельницу и подставил Лидии под клонящийся столбик пепла.

– Насчет мыслей вот какая идея, – начала она. – Как утверждают умные люди? Если не сможешь остановить движение, возглавь его. Сумасшедший бросится, раскинув руки, останавливать валящую на него толпу. Зато умный найдет удобный момент и встанет во главе ее. Рядом с красным знаменем.

– Ну-ну. – Генерал кивнул с интересом. – Я, кажется, догадываюсь, о чем ты. А ну давай дальше!

– Игорь Журавлев сказал мне, что сегодня, до конца дня, у него в кабинете соберется инициативная группа, которая подготовила письма к министру внутренних дел, в правительство, в прокуратуру и в Государственную думу. Удар предполагается массированный. О чем будет написано, догадаться нетрудно. В этой ситуации, я полагаю, самым верным решением могло бы быть прямое указание господина губернатора Андрея Ильича Гусаковского поддерживать обращение трудящихся в высшие государственные структуры. Как – это можно обсуждать. На мой взгляд, было бы вполне уместно письмо губернатора, приложенное к обращению рабочих и служащих «Сибцветмета» в защиту своего гендиректора. Да, мы конкуренты в губернаторской гонке, но выборы должны быть абсолютно прозрачными! Да, я тоже отлично знаю Алексея Евдокимовича, которого привел еще мой предшественник, и ничего, кроме глубочайшего уважения к его организаторским талантам, не испытываю. Ну и так далее. Такое письмо может быть подготовлено мною до конца дня. И – в те же адреса. А чтобы не произошло досадных недоразумений, пусть оба обращения идут одним путем. Узнаем, кто поедет или полетит, и передадим. Предварительно оповестив население, – скажем, во время вечерней программы телевидения. По местному каналу. Это я тоже с удовольствием возьму на себя. Могу даже зачитать в микрофон.

– Да-а... – протянул Гусаковский, пристально глядя на Лидию.

– Между прочим, – с улыбкой добавила она, – как директор нашего канала, я с удовольствием увидела бы господина губернатора сегодня в «Новостях» в прямом эфире. Две-три фразы, не больше. Сочувствие, возмущение и уверенность в торжестве справедливости. Три ноты.

– Ну, ребята! – с укоризной покачал головой Толубеев. – Вы меня прямо... это! – Он сильными руками показал, как затягивают узел. – Не слишком ли?

– Обычно, Иван Иванович, позвольте вам напомнить, – серьезно сказала Лидия, – прежде чем начинают большую игру, точно определяют ставки. Это – из области бесспорных правил.

– А ведь она уела тебя, Иван! – довольно засмеялся Гусаковский. – Да, тут палец в рот не клади...

– Но ведь я еще и не возражал. Откуда такие выводы? Как вы понимаете, теперь при любом раскладе ответственность-то остается! И кто ее должен нести?..

– Если позволите, Иван Иванович, – вежливо вмешался Сергей.

– Говори, чего уж тут, понимаешь...

– Вы верно заметили насчет ответственности. Но дурь-то в кармане объекта была найдена? Чья – другой вопрос. Может, провокация? Но опять же – в чьих интересах? Нельзя исключить, что в нашем, мягко выражаясь, беспредельном с точки зрения отношения к закону государстве происходят, к сожалению, нарушения и в сфере правоохранительной деятельности. Об этом, собственно, каждый день пишет пресса, а уж про телевидение и говорить не приходится. К чему я? Иногда выгоднее сразу признать малую ошибку, чем стоять на своем до тех пор, пока ошибка не перерастет в преступление. И мысль Лидии Михайловны мне в этом смысле чрезвычайно нравится. Она диалектична!

Полковник обернул к Лидии порозовевшее от легкого возбуждения лицо, и она одарила его весьма признательным взглядом.

– Это что же... – после паузы сказал генерал. – Я должен буду ребят наказывать? Так кто ж станет мне доверять потом? Об этом ты думаешь, полковник?

– Вы снова абсолютно правы, товарищ генерал, – официально подчеркнул Сергей свое отношение к сказанному. – Но кто говорит о взыскании, о серьезном наказании? Есть же масса устных выражений неудовольствия начальства. Напротив, это все послужит только дальнейшему улучшению оперативной деятельности. А тому майору можно просто объяснить, он поймет. Встречусь, к примеру, с ним я и все ему лично объясню. А если аргументы будут лежать еще и в конверте, он будет только благодарен. Политика – очень тонкое дело, товарищ генерал, уж вам ли не знать!

– Ну, – солидно заметил Толубеев, – я же в принципе-то не возражаю. Наоборот, я так и понимаю, что мы здесь собрались для общего совета, поэтому... Между прочим, Андрей, насчет некоторых «аргументов» полковник очень прав! Ты продумай до нашего отъезда. Но все-таки, скажу вам откровенно, некий червь сомнения меня точит. А так ли уж нужна вся эта шумиха? Может, прикроем дело в Москве, пусть этот адвокат, как у нас выражаются, развалит дело в процессе расследования, да и прекратим его к такой-то матери за отсутствием события преступления? А со своими уж как-нибудь разберемся сами.

– Можно и так, – заметил губернатор, – но эхо?

– Какое еще?

– А такое! Ах, значит, дело сфабриковано?! А по чьему указанию?.. Вот тебе и новая волна, похуже первой.

– Предлагаешь согласиться?

– Да кто тебя заставляет? Тут – логика. Или, как вот верно подметил твой Сергей Юрьевич, диалектика! Не забыл, поди, еще?

– Ну да, – протянул генерал, – легче маму родную забыть...

На этом первая беседа и закончилась. Губернатор с Лидией отправились в город заниматься неотложными делами, а генералу с его помощником была предоставлена возможность краткого отдыха – с банькой, соответствующим антуражем и весьма неплохой кухней. Но генерал не был бы ответственным чиновником Министерства внутренних дел, если бы не воспользовался пребыванием в крупном краевом сибирском центре и не устроил хотя бы маленького разноса по своей службе. Инспекция так инспекция, хотя острой нужды в ней никакой не имелось.

А с хозяевами договорились встретиться еще раз вечером и окончательно подбить общие итоги, которые должны были бы к этому времени определенно нарисоваться.

Провожая губернатора, генерал вышел на крыльцо, снова подивился окружающей красоте и вдруг негромко сказал:

– Что бы вы тут ни говорили, в чем бы меня ни уверяли, а я тебе так скажу, Андрюха... – Хотите вы или не хотите это понимать – двух твоих зайцев мы все-таки ухлопали. Ну, со вторым еще подумаем. Может, и поторопились маленько... Ладно, отпустим, пусть еще побегает, его и здесь нетрудно достать.

– Неугомонный ты, скажу, – с ухмылкой покачал головой губернатор. – Опять что-нибудь придумал?

– Вечером, вечером. Мелькнула и у меня тоже одна мыслишка. Не все ж вам одним...

Глава пятая

АДВОКАТ

В принципе все необходимое Гордееву находилось рядом. Ну, скажем, почти. Округ-то один. И что особенно отметил для себя Юрий Петрович, адреса, по которым проживали понятые, приглашенные начальником отделения криминальной милиции, производившего задержание и обыск подозреваемого в хранении наркотических средств Минаева, находились неподалеку от расположения этой милицейской службы Южного административного округа столицы, на Каширском шоссе, в районе Москворечья. Словом, потрясаясь удобно – все под боком, под рукой.

Но получалась все же одна нескладуха: задержание-то само производилось не здесь, а вон аж где! На Варшавском шоссе! И получалось так, что вроде бы выехавшие на задание менты на всякий случай захватили с собой и понятых. Абсурд? Да нет, это как посмотреть. На данное обстоятельство и обратил сразу внимание адвокат, который довольно неплохо ориентировался в Москве. И уж во всяком случае мог без подсказки назвать места дислокации окружных и районных правоохранителей.

Зная о нередкой практике нынешних работников милиции загодя обеспечивать себя необходимыми свидетелями, понятыми, которые, когда возникает нужда, появляются по первому свистку, как чертики из коробочки, Гордеев решил проверить свою догадку. Уж больно много совпадений появляется. Тут тебе и то, и это, прямо как в сказке.

Приехали на улицу Кошкина, все в том же Москворечье. Здесь в стандартной девятиэтажке и проживал первый понятой – Семенов Михаил Григорьевич, 1960 года рождения, разнорабочий.

Невзрачный дом-башня, как, вероятно, и все в округе, насквозь провонял кошками и старой гнилью. Гордеев с Елисеевым поднялись на второй этаж, стали звонить в однокомнатную квартиру, справа на лестничной площадке. Там никто не отзывался.

Пришлось нажать на ближайшую кнопку соседей. За дверью послышались шаги, какое-то шепуршанье, и наконец старческий голос спросил, кого надо.

Гордеев ответил, чтобы не усложнять и без того непростую ситуацию, что пришли из милиции, к Семенову, а того что же, нет дома?

– Да дрыхнет он, алкаш! – сердито ответили из-за двери, и после этого послышалось звяканье замка.

Дверь открыла древняя и неопрятная старуха. Но не впустила к себе, а сама высунулась за дверь. Поглядела – вполне вроде приличные люди. Хотя и не в форме – так ведь говорят, что не все, кому положено, ее носят.

– А вы, бабушка, уверены, что он дома? – вежливо поинтересовался Гордеев.

– Так где ж ему быть? Второй день пьет! И орет благим матом! Никакого спасу нет, хоть бы вы его по своей-то службе приструнили, что ли! Нажрется, паразит, и еще угрожает!

– Как же это он делает? – усмехнулся Елисеев. – Ну, угрожает! Топором, ножом? Чем?

– Да какой у него нож?! – возмутилась старуха. – Откудова? Криком орет! Я, говорит, участковому чего скажу, то он и сделает! Я, говорит, власть над ним имею!

– Ты смотри, какой храбрый! – удивился Елисеев. – И давно, говорите, пьет?

– Так я же сказала: второй день. Прикатили за ним, он вмиг собрался – и усвистали. А после явился, гам-тарарам на площадке, я, говорит, с задания, стал быть, ответственного! И пошел-поехал! Опять про участкового, что, мол, всех приструнит... А вы ему и не дозвонитесь, ногой стучать надо.

Последнему Женю Елисеева учить не стоило: два мощных удара ногой по нижней кромке двери, и в квартире раздался вполне отчетливый матерный крик:

– Это какого... – и так далее. К крику присоединились шлепающие шаги, наконец хриплый голос произнес довольно внятно: – Кого?

– Квартира Смирнова Михаила Григорьевича?

– Ну?

– Прокуратура!

– Твою мать... – Затем звяканье замка, и дверь приотворилась.

Гордеев толчком открыл ее, отчего хозяин вмиг занял неустойчивую позицию у противоположной стены.

– Почему хулиганите? – рявкнул Юрий Петрович, заходя вместе с Елисеевым и прикрывая за собой дверь от любопытной соседки. – Ну-ка пройдите в комнату!

Все-таки власть, какой бы она ни была, остается властью, и перед ней даже такой широко уверенный в себе подонок – это уже было ясно Елисееву – чувствует себя неуверенно. А вот адвокат, напротив, видя, что Семенов пребывает в растерянности, усилил свой натиск. Махнул перед его носом красным своим удостоверением, решительно указал хозяину на стул, и тот покорно опустился, еще не понимая, что происходит.

– В связи с нарушением неприкосновенности частной жизни согласно статье сто тридцать седьмой Уголовного кодекса Российской Федерации расследуется преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина, – важно и торжественно заявил Гордеев, строго глядя на притихшего Семенова. – Согласно протоколу о задержании и обыске некоего гражданина Минаева А. Е., – продолжил уже зачитывать по своему блокноту Юрий Петрович, – вы, гражданин Семенов М. Г., проживающий по адресу: город Москва, улица Кошкина и так далее, были привлечены в качестве понятого. Ответьте, где происходило задержание?

– Э-э... а на Варшавке, – вспомнил Семенов.

– Конкретнее!

– Ну в этом, в кабаке.

– Как вы там оказались?

– Э-эта... а чего, нельзя? Права не имею? – попробовал возмутиться Семенов.

– Имеете полное право. Но почему ваши соседи показывают, что за вами специально приезжали в тот день сотрудники отдела криминальной милиции с Каширки?

– Так далеко же! Они – эна где! А я?

– Значит, вас отвезли туда на служебной машине? А потом?

– Чего потом? Ходи, говорят, понадобится – позовем.

– Вы записали показания гражданина Семенова? – строго спросил Гордеев у Елисеева.

– Так точно, товарищ начальник, – ответил тот и показал лист бумаги, на котором он, как и договорились – если удастся, конечно, – записывал то, в чем, сам того не желая, сознавался Семенов.

– Хорошо, пусть он прочитает и подпишет!

– Давай, Семенов. – Женька протянул ему запись и шариковую ручку.

Тот, ничего не понимая, взял ручку, повертел, потом прочитал написанное, подумал, сомневаясь, но все вроде было записано с его слов верно.

– А чего? Так и было... – Он поставил свою закорючку и положил ручку на стол. – А я-то чего?

– Вы, Семенов, пока ничего, – ответил Гордеев резко. – Но сотрудники криминальной милиции совершили по сути должностное преступление. И они за это будут отвечать по закону. А вы сидите себе и не вздумайте снова хулиганить на лестнице. В следующий раз мы вас просто арестуем и посадим по статье двести тринадцатой – за хулиганство. А пока предупреждаем. Но в последний раз!

С этими словами Гордеев, кивнув Елисееву, так же важно покинул противно вонявшую застарелым «алкогольным выхлопом» квартиру. И с удовольствием грохнул за собой дверь.

Старухе, все еще маячившей возле своей двери, так же строго сказал:

– Мы предупредили вашего соседа, что его поведение грозит ему уголовной статьей за злостное хулиганство.

– Ну и дух! – воскликнул Елисеев, едва оказались во дворе.

– Вот так, – удовлетворенно констатировал Гордеев. – А я и был в этом уверен. Зачем им искать кого-то, когда под боком у них прикормленные и послушные понятые. Как говорится, по вызову. Думаю, что и Вяхирева – из той же породы.

Пожилая женщина со следами бывшего благородства на лице Зинаида Васильевна Вяхирева проживала на Кантемировской улице, в самом ее начале, и опять же поблизости от милиции. Ну, конечно, для доблестных правоохранителей было бы слишком большой удачей, чтобы необходимые им понятые сами, по собственной воле или нужде оказались в нужное время и в нужном месте. Но зачем это им все-таки понадобилось? Что за фикцию они собирались представить?

Хозяйка открыла им дверь и, внимательно прочитав адвокатское удостоверение Гордеева,пустила его со спутником в квартиру. Здесь было достаточно опрятно, и сама женщина казалась бывшей учительницей на пенсии. Или кем-то иным, но уж во всяком случае человеком бывшего, так сказать, умственного труда. С ней и лукавить Гордеев не решился. Наверняка, заподозрив обман, женщина откажется вообще разговаривать.

Она разрешила гостям раздеться и снять обувь, предложив старые, разношенные тапочки. Затем прошли в комнату, сели у круглого стола под тяжелой, прежних лет, скатертью. И стулья были тоже из прошлого – с гнутыми спинками.

Юрий Петрович объяснил цель своего приезда. Ему поручена защита человека, задержанного третьего дня в ресторане на Варшавском шоссе.

– Вы не подскажете мне, Зинаида Васильевна, почему сотрудники милиции взяли именно вас в понятые при задержании? Вы интеллигентная женщина, это сразу видно, а вместе с вами там оказался какой-то алкаш! Вероятно, это дело случая? – подсказал он ей ответ.

– Ну что вы! – возразила интеллигентная женщина, видимо и не подозревая, что сама лезет в ловушку. – Меня, бывает, нередко приглашают на такого рода мероприятия.

– Приглашают специально?

– Ну... если далеко добираться, сами понимаете, помогают и транспортом.

– Ах вон как! Ну понятно, спасибо. Скажите, а что, обыскивали они задержанного гражданина в вашем присутствии! И вы лично видели, что извлекали у него из карманов брюк?

– Обычно они так и делают, но в данном случае, мне это запомнилось, нам просто объяснили, что мы должны подписать.

– Понятно, – помрачнел Гордеев. – Вечно у них все не так! Все, извините, через... а, ладно! Хоть заплатили за труд?

– Господи, да какие это деньги? Курам на смех... А вы, значит, защищать теперь его будете, да? А что, он и в самом деле приличный человек?

– Интересно, с чего вы взяли? – улыбнулся Гордеев.

– Ну... я же вижу, вы тоже приличный человек и наверняка не взяли бы защищать какого-нибудь бандита. Разве не так?

– А вы молодец, Зинаида Васильевна, вам не откажешь в наблюдательности. Спасибо, я был рад побеседовать с вами и могу сказать, что вы мне очень помогли. Ну, разрешите тогда откланяться?

– Как?! А я хотела вас чаем угостить... На улице такая холодина!

– Благодарим вас, мы на машине. Всего вам доброго. – И уже на улице, когда Елисеев достал из кармана репортерский магнитофон и стал перекручивать пленку, спросил: – Я думаю, хорошо получилось?

Евгений остановил перемотку, включил «play», и они услышали чистый и ясный голос Вяхиревой.

– Отлично, – заметил Юрий Петрович. – Ну все, Женя, отсюда, то есть от ближайшей станции метро, наши дорожки расходятся. Протокол и пленку оставь мне, а сам мотай куда хочешь и занимайся своими делами. Но постарайся быть на связи. А я поеду в одно место, надо будет теперь выяснять про милицию. Сами ж они мне ничего не расскажут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.